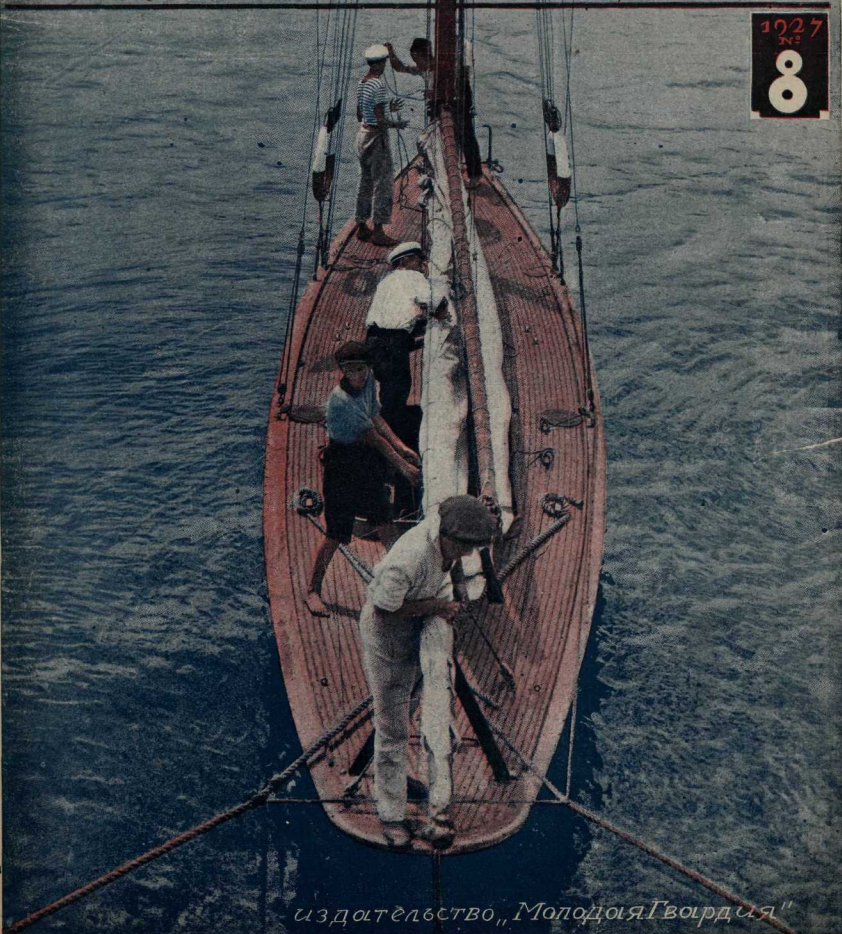

СМЕНА

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

1927
№
8

издательство „Молодая Гвардия“

Завтра в путь

Фото-этиюд Р. Хармек

Евг. Дельскому (без адреса): «Желю лиди» извинили по назначению в «Общество любителей животных».
Оно разберется и примет меры.
В своем деле, что это за безобразие!

«Вместо хлеба нам отрубил жалкие,
Вместо пестелки доски каменные,
Вместо свободы кандалы оловянные,
Зачем-то на ноги взузавать?»

Будем надеяться, что «общество любителей» со «хорошим отношением к словам» и «уважением» старательно запереть «взузавать» попылал за ноги.

(Ст. Вон-то).

«Быть может, кто из вас главный?»

Направит мой несчастный дар,
Мне не дают на луне расцвешивать
И в свет пускать воздушный шар.

Это действительно несчастный дар, и нас об этом не же слепело бы прекрупить. Мы, ведь, читая ружьих, без притопа, в большом и в малом деле, направлял: Думай в Дубровка,—здрог наткнулся на стальные стволы.

«Что ж, скажите в огне свеч стихии,
Все погнать».

Розину (Оренбург). Спрашивается, стоит ли писать. Пишите, давайте у вас есть. Попадаются интересные стихи и отдельные образы. Стихотворение «Рассвет» звучит почти по-настоящему. А вот в «Снегах» мы встречаем. Образ здесь надуманные и неуклюжие: город металлом рыхлает, или

«Трянут трубы шершавые и традация».

Электричество летит областью. Это плохо. Работайте. Читайте. Серебрякову (Москва).

«Не сумел и сердцем целовать
Красный лик стального Октября,
В ВФК не мог уловить тайн,
Не дикала мысль мою се ружича».

Сердцем не целовать. «Открытость» не существует. Ручница мыслей не скакает и добуле—стихи надо писать по-человечески.

Ник. Б. в р. е. д. о. ф. у (Москва). Ваши «Шахтеры» — не живые шахтеры, а мистические существа—поско в черном из туман и туманности. Смени не походят.

В. Булавин (Актария). «Узел жизни девичий не новый узел». Правда, он не развивал до сих пор, и потому тема эта не терпит открыти. Но надо подать эту тему как нечто иное—освещать ее.

К сожалению, мы являем самым простой набол. Такие выражения, как: «—впоть пела veins рождая», «Мисси плелась», «буго пестрый венки», «Девичья незалекая сканная груда» и проч. в этом роде делают рисунок нетерпимо пресыщен. Писать, однако, не брайство. Но вам много еще надо работать над собой.

Этннуну (Балта). Ваш рассказ «В стране Советов» в «Смене» не пошел. Оценки, набата, тайм и вышлена оно примитивно. Вы просто рассказываете о том, как это было шаг за шагом. Кроме того, о границах, а вы специально так постарались ваш рассказ—не следует писать «со слезой». Вашу просьбу в отдал посылки передали.

Кауруу (Саранг). «Писать к мль»
«Уж и большой и ты быстрая,
Я все твоей и ты такая,
Пролетит гоним вот два года,
Потом в я роли подлетай,
На дичь по млей ворочусь,
Наука—штука не простая,
Голова будет не пугая».

Побудете вы в городе поалые и узнаете до тех пор, пока эти стихи нам самому покажутся пустыми и ненужными.

Власову (Котлас).

«Мне до жороба дело мло
Мой зор вверх, и все паяло
Чарные Д. 48, 46; пр. 63».

Меня теньками забрало,
Луначи звездными соргел,
Ловко это мы устроили с отогленим,
А вы чуть-что мерзев без дровчел.

Бросьте вы токовать о звездных теньках, спугните нас землей и займитесь какой-нибудь делом.

Остинуу (Москва). Вы прислали два милых стихотворения всего несколько строк, суяте о вас по имитруму, ил, не имению, ларинание у вас есть. Прислайте еще что-нибудь.

Губину (Краслар). Вы пишете о том, чего не знаете. Какой это «индус»? Суяя потоку, что судит карнажи индигино—речь, очевидно, идет об индийских колониях и Индии. К. Соколински, в Индии нет индусов. Ийдеши это имя краснокожих в Южной и Северной Америке. Удатель же Инди называют индусами.

В. Теминскому. Прочтите «Темный» рассказ Тефи о «Василия и Василисы Теньку». Это про вас. Мы же нам все сказали еще в Ж. 6, 5. ответ «Выразили», «Бережному», «Тамрау», «Назолловому».

ПРИСЛАНОЕ НЕ ПОЙДЕТ

Яковлева (Баку), Бараникову (Тулу), Леониду Лек (Тверь), Иванювину (Внебск), Заидеву (Москва), Бренину (Оренбург), Сяларову (Ташк), Портной (Тифл), Хигореву (Москва), Д. И. (Москва), Чурину (Самар), Дамбит (Севастополь), Крайногорову (Соловьиный), Лебед (Вольск), Скопыеву (без адреса), Ч. и Курке (Уфабстан), Граждаровску (Харьков), Зиборову (Смоленск), Ушакову (без адреса), Стенянку (Омс), К. и М. (Уфабстан), О. З. (Серпухов), Алек. Долгоскоу (Севастополь), Конохову (Курск), Дობровольскому (без адреса), А. Лексееву (без адреса), Семену Золотому (без адреса), Залескому (без адреса).

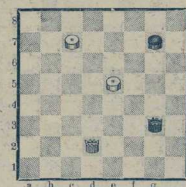
Ю. А. С. Гудур, ст. 62ч. Юж. дор. Печатается впервые

Отдел № 3

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. В. МЕДКОВА

Этад № 2

А. С. Гудур, ст. 62ч. Юж. дор. Печатается впервые

Белые: D. 61; пр. 64, e3, e5.

Черные: D. 48; 46; пр. 63.

Белые начинают и выигрывают.
Фамилии товарищей, приславших правильное решение, будут напечатаны.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ О ШАХЕЧНОЙ ПАРТИИ

(Продолжение)

Х. Игра Боюнского

1. а3—а4, б6—а5, 2. б2—а3, а7—б6 (или с7—б6), 3. а1—б2. Над анализом дебюта много авторизис издатели и критики. В последнее время в журнале «Шахматы» П. И. Бююнского (ум. в 1920 г.)

XI. Игра Романюльча

1. с3—д4, б6—е5, 2. д4: ф6, г7: е5, 3. а3—б4.

Прекрасно разработанные линии из «дальних» московских олимпиад С. А. Романюльча (ум. в 1891 г.). Наверно это дебют более тщательно лучшую партию.

XII. Тычек

1. с3—а4, б6—е5, 2. д4—с3, б5—д4, с3: е5, б4: а4, а3: е5. Удачное название этого мало разыгрываемого дебюта (шаха е5 здесь менее дослжна, чем кол) предложено В. Н. Руссо.

XIII. Обратный тычек

1. с3—а4, б6—е5, 2. б2—с3, г5: ф4, с3: ф3, б6: ф4, а4: г5, б6: ф4.

XIV. Начало Боброва

1. с3—ф4, б6—е5, 2. д2—с3, г5—б4; 3. с1—д2.

Впервые это начало—с преимущественно в пользу черных—было разработано П. И. Бобровым (ум. в 1911 г.) в журнале «Шахматы» за 1891 г. и «Шахматное Обозрение» за 1892 г.

XV. Вялючка

1. с3—а4, б6—е5, 2. г3—ф4. Удачное название этого начала предложено В. К. Лисенко.

XVI. Жиртва А. Шаши-Харьюмов

1. с3—а4, б6—е5, 2. д2—с3; с7—б6; 3. г3—а4, б6—е5, 4. с1—д2, б6—с5; 5. д2—б3, а3—б4. На IV Всероссийском Съезде любителей шахечной игры (Москва, 1901 г.) состоялся консультационный турнир, в который принимали участие Вильям А. И. Шаши (ум. в 1906 г.) и А. В. Харьюмов (ум. в 1919 г.). Сделавши в партии 5-й ход черных с7—б6, непроводив в серьезной практике никаких черных ходов, мы считаем вполне правильным назвать дебют «жертвой Шаши-Харьюмова». Ход 5... с7—б6 является сильнее, чем ход 3... с3, е5: г3; 2. б2—б6—с5, и, несмотря на потерю шаха, партия с некоторым преимуществом влечется к черным.

—Средина—наиболее трудная и ответственная часть партии. Путем разнообразных приемов—атаки, отступления, обхода, захвата, размена, жертвы, ловушки, комбинации и т. п.—противники стремятся отогнать пространство, отбояти друг друга, оттянуть время, изменить план действий, прорваться в лагерь, уничтожить возможно большее количество чужих шахек, сосредоточив в то же время усилия на атаке слабого короля, создать решительное преимущество для выигрыша, а в крайнем случае,—благоприятную обстановку для ничьей.

—В конце партии, после целого ряда разменов, на доске остается незначительное количество шахек и белых пешек, среди которых иногда оказываются и дамки. Хотя правильное разыгрывание концовочки нельзя считать легким делом, но благодаря отграничению числа пешек, они поддаются более точному учету и более доступны для анализа, чем дебюты и особенно в начале игры, в связи с чем в шахечном запиле удалось установить ряд определенных законов вытращения и ничьей при разных количествах пешек и указать пути к их достижению.

Предлагем вниманию читателей ряд красивых комбинаций партии, затем постепенно перейдем к более серьезной позиционной игре.

Партия № 2

1. с3—а4, б6—е5, 2. б4—а5, б5—с3; 3. б2—с3, ф7—д4; 4. с3: е5, б4: с3, б6: с5, с5: е5; 5. с3—е4; 7. г2: е5, 16: б2 и черные выигрывают.

Партия № 3

1. с3—д4, б6—е5, 2. б2—с3, с7—д6; 3. а3—б4, б6—а5, 4. г3—ф4, б4—г4; 5. а3: с3, е5: ф4; 6. е3: ф4; 7. г3: е5, 16: б2 и черные выигрывают.

Партия № 4

1. г3—б4, б6—а5; 2. ф2—г3, с7—б6; 3. с3—а4, б6—а5; 4. ф4—г3; 5. б5: ф4; 5. е3—а5; с3; 6. д2: б4, а5: с3; 7. г3: а5. Салась.

СОДЕРЖАНИЕ:

Май за рубежом. А. К.—Комсомольская эскадра (перв) СТИВЕН ЛИЧКОВ—Военная жизнь мастера Дюнкеса и мастера Бавина (рассказ), перевод с английского П. Охриэном. СТИЖ И. МОЛЧАНОВА и Д. АЛЫТЪАУЗЕНА. СВЕРК. СВЯКОРЦОВА—«Разратил на это (письмо комсомольца) и, ПОГОДИН—Альте гумы. С. СЕРПЕЛЬ—Наш экскурсионный перенек. К ВЕРХОВЬЯМ—маршрут для экскурсий. КУРЕЛЬЯ—Олежка туриста. И. ЛИН—Игитская грамота. ВЛ. ЧЕРВКОВ—Рассказ старого моряка. И. ОГНЕНЬ—Слепы динозавра (повесть, продолжение). МНХ. КОСОВСКИЙ—Историческая необходимость (фельетон).

Рисунки: К. РОТОВА, И. БРЕЯ, Ю. ТАФРА, К. ЕЛИСЕВА, М. ЖАРПОВСКОГО и др.
Фото-обложка Р. КАРМЕНА.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Переселенский
переулок, д. 3/4. Тел. 3400-23

Рукопись принимается, написанная на ма-
шинке или четко от руки на одной сторо-
не листа

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕОБЩЕГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗ-ВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Примиряли всех стрел сатанинских!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 ГОД

На 1 год — 24 нум.	3 руб. 60 коп.
— 6 мес. — 12	— 1
— 3 — 6	— 1
— 1 — 2	— 35
Одноразовый №	— 10

Полноту провозглашает Отдел Переводческих
Изданий Из-ва «Молодая Гвардия»
Москва, Новая площадь, д. № 4/5

МАЙ ЗА РУБЕЖОМ

Рис. М. ХРАПКОВСКОГО.

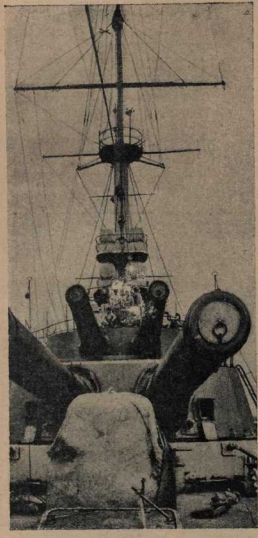
— Какая чудная осень. Почки набухли...

— А вы посмотрите внимательней за ограду... так у вас и печень набухнет...

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЭСКАДРА

Очерк А. К.

Еще для флота нашей республики комсомольцы — почетное имя, तो для командиров флота «свободной» Франции комсомолец — слово, с которым они ведут бескомпромиссную и ницкую борьбу. В очерке «Комсомольская эскадра» рассказывается, как французские комсомольцы отоварили у адмиралов и лейтенантов эскадры старинной шхеры Франции — Шербурга. Прочитав, как адмиралтейство Шербурга расширялось с аэроплами — комсомольцами — моряками.

Над зелеными волнами Ламанша тысячу лет грядолетит гранитная глыба седого Шербурга. Наддека с моря видны даже в сером туманном рассвете старинные башни главного форта на голой скале Шаньенка. И окрестные рыбаки, вылезая по утрам на долгие часы ловли к своему устью бухты, никогда не забывают оглянуться на гигантскую каменную иглу его маяка.

По ту сторону, в океанской туманной зыбн, вот эти же зеленые волны бьются в сумеречные берега старой Британии. Патристические французы Шербургского округа не даром гордятся своим городом, своей гаванью и даже знаменитыми орудиями Турлановского редуита. Сколько раз за восемь веков переходил он в руки англичан. И каждый раз летели приказы и подкрепления к гарнизонам Нормандии и Британии, — и над бастионами Шербурга вновь поднимался французский флаг, а в перелетных часовых благоухающие лимены нерасклонились в благодарственных мессах (по случаю победы христианского короля).

Нынче все это — прошлое. В истории. Не то сейчас. Ежегодно лобозащиты сардинской «интервью», и то в Лондоне, то в Париже возглашаются быжлетные тосты за неразрывные узы англо-французской «дружбы».

И тем не менее, год от года укрепляются военные гавани на обоих берегах Ламанша, и каждой весной сползаются в его волны с гигантскими эллингов носы и новые дредноуты.

Кто знает! Может быть, недалеко то время, когда снова зашумит в Ламаншском проливе горящие громады кораблей. Французское морское министерство, во всяком случае не страдает чрезмерным оптимизмом. Шербургская гавань не перестает быть предметом особого внимания парижских кабинетов. Морское министерство из года в год «принимает надлежащие меры по части сооружения новых стальных и стальных и на рейде, и на бастионах старого Шербурга».

Но Шербурга, «колыбель французского флота», гибнет.

Собственно говоря, Шербург стоит на прежнем месте, и зеленые волны Ламанша попрежнему носят между Колтангемским полуостровом и мысом Ла-Мирна баркасы рыбаков.

И тем не менее Шербург гибнет на глазах морского командования. Оно с каждым днем теряет под ногами почву.

Французскому командованию отоварили шербургские эскадры у адмиралов и лейтенантов. Французский комсомолец — лучший друг шербургских моряков.

В любом экипаже, в любом кубрике согладал адмиралтейства находят теперь десятки комсомольскую литературу, портреты Ленина и членские билеты французского комсомола. А недавно на одном из миноисов, экипаж которого нелегально ставился адмиралом в пример прочим, на этом самом миноисе комсомольцами обнаружено целую связку писем Андро Марти, гер и любима флотской комсомолки.

И все растут комсомольские ряды на судах Шербургской эскадры.

И морское министерство, внося в бюджет статьи на увеличение ассигнований по укреплению Шербургского рейда, с тревогой замечает: покуда ли Шербургский флот на новую бою, если ему прискажут это хозяева из парижских кабинетов и бирж?

В мудром предвидении этого «ест» господя Левина и в «беспечности толкает ногами на доклады секретаря о победах шербургского комсомола.

«Любой ценой — с этим надо покончить».

«Любой ценой».

Это достаточно ясно для командира каждого крейсера «републиканского» Франции.

И после того, как полиция обыва в кубриках перестали иметь успех благодаря выростку конспиративной описи комсомольских чечек, после того как блестяще провалились на самых надежных судах нелегальные «увещания» командиров под сладкой аккомпанемент проповеди крест — после этого морское командование вылезало за последние патентованные и излюбленные средство «демократические» республиканские — провокацию и шпионаж.

Из небольшой группы буржуазной молодежи флота была отобрана полсотня «самых надежных».

Они были надлежаще проинструктированы, и любой префект департамента с пользой мог бы проследить вместе с ними поучительную лекцию о методах борьбы с большевиками.

А на другой день по городу и близлежащим к гавани улицам и скверах прогуливались по одиночке извешные молчаливые люди в обычной форме рядового моряка. И в каждой кучке столпившихся в беседе моряков, на каждой паре мастеров, обменивающихся при встрече хотя бы самым невинным жестом бумажки, несмысленно продолжала от дерева или из-за угла одна из этих молчаливых фигур.

Вздох тревоги и шербургской морщины продолжала от дерева или из-за угла одна из этих молчаливых фигур. В их тревоге и шербургской морщины продолжала от дерева или из-за угла одна из этих молчаливых фигур. В их тревоге и шербургской морщины продолжала от дерева или из-за угла одна из этих молчаливых фигур.

Жан Мютель и Раймонд Роз с торжествующими улыбками возвращались в гавань с почти пустыми две руки. На ситцевчатой фабрике, подоклад у ворот устричной скамьи, они с четверть часа rozdali рабочим больше полсотни экземпляров «Жана-ле-Гуана», ловко скрываясь в толпе от фабричных надсмотрщиков. А на площади, вокруг памятника художнику Милле, под предлогом «встретившая национальную иконоста, собрали целый митинг из моряков с другого крейсера, закончившийся даже маленькой победой над полицейской патрулем, посланным изгнать под звуки интернационала с площади за попытку разнести собрание.

Мютель и Роз были довольны собой. День не пропал даром. Являясь будто повалом на землю. Еще арестали маленького зеленого скрягу. Зашли. Самейка на самом солонечке так и завали посидеть.

Небольшой свертком еще не розданных экземпляров «Жана-ле-Гуана» пожелали вернуться на возвращению «Матень на коленях у Роза.

И через минутку рядом с ними уже сидел маленький матросик с ласковой улыбкой на румяном лице и расправленной Роз полуоткрытом о комсомол.

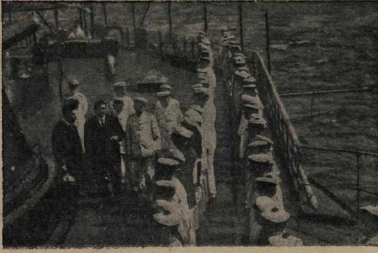
Мютель и Роз были рады соседу. Еще был Новый комсомолец, носивший единичку в тысячах.

Новый маленький успех, из которых составляются и большие успехи. Молодой матросик так искренно хотел научить вместе с ними учение Левина...

Но прошло и десять минут, как Роз осторожно вытаскивал из газетного свертка два свежих экземпляра «Жана-ле-Гуана».

И тут произошло неожиданное и резкое, как удар хлыста.

Тот молодой матросик вскачал со скамьи и, бешено размахивая брошюрой, провозгласил зашифрованным вымеченным из кармана полицей-

ским свистком, впиившись другой рукой в ворот рубашки Роза. Тихий сморчок задремал под ногтями борющихся, а по желтому графину алден уже бежали и ним дежурные полицейские и караульные от ворот арсенала.

Комсомольцы не растерялись.

В два удара Роз обид с ног проворотился и помчался с товарищем через сад за угол Арсенальной площади. В первом переулке с разбега конулись в матросское «Надо-бы», втиснувшись в самую гущу матросских бугра.

Через минутку прокляток кучей полицейских ворвался вслед за ними, и патруль со штыками на перевес бросился к матросам.

Начался настоящий бег. Матросы сразу появились, в чем деле и бешено зашикали умовавшим шипяном комсомольцем табуристам, ножами и кулаками. Но на помощь полицейским бегались новые. Силы были неравны.

Скоро защита была отступила в угол. Страшный узор штыков в лицо повалил Роза на пол. В обмороке выскользнул его ушник и под гвалом ниним, полумертвый, от земли привезли в префектуру.

ВОЕННАЯ МАНИЯ М-РА ДЖИНКСА и М-РА БЛИНКСА

(War Mania of Mr. Ginks and Mr. Blinks) СТЕФЕН ЛИКОК, перевод с англ. П. ОХРИМЕНКО

Они сидели друг против друга за отдельным столиком в клубе, так близко ко мне, что я не мог не слышать, о чем они говорили. Оба они — толстяки, оба говорят грубым, громким голосом.

— Вот если бы Китченер сделал так, как я говорю, — рассудил Джинкс, — тогда бы...

Я сразу понял, что он был одержим военной манией. Он воображал, что командует великими армиями в Европе.

Вслед за сказанными им словами, он, припомнив трех кусков хлеба, двух маслин и десертного ножа, начал обяснять Блинксу, каким способом можно в скорейший срок уничтожить германскую армию.

Блинкс глядел на диаграмму Джинкса суровым безучастным взглядом, какой можно видеть у лорда Китченера, как он обычно излагает в деловых журналах.

— Ваш план слишком обременен, — сказала он, указывая на худого слабого Джинкса. Он произнес эти слова с суровой угрюмостью Жоффра.

— Мои резервы защитят его, — сказал Джинкс, подвигая две перемычки на подержку хлеба.

Я прошу вас помнить это, — прошептал Джинкс, — я не говорю, что Китченер это сделал, а я говорю: он сделал бы и был бы это сделать.

Этой точности тактика Куропаткина при Мукдене, и это именно тот маневр, к которому прибег генерал Грант при Ричмонде.

Блинкс vaguely кивнул головой, повидимому, соглашаясь со своим приятелем.

Довольно странно, что ни один из них, я уверен в этом, не имел представления о гражданских войне в Америке, если не считать того, что он поочередно у «Хижин дяди Тома». На это составляло несущественную часть их мании.

Джинкс и Блинкс почему-то воображали, что они знают историю всех войн по инстинкту.

Вскоре они встали, стряхнули салфетки, крошки со своих жилеток и, перепавшаяся на ходу, тяжело зашагали к двери. Мне было слышно, как они говорили о том, что необходимо обратить внимание на усиленное обучение солдат.

Они вводили самую строгую дисциплину, граничившую с жестокостью.

Джинкс уверял, что все наше поколение слишком лениво и мягкотело. Если бы ему было предоставлено право, то он мобилизовал бы в Соединенных Штатах всех мужчин в возрасте до сорока семи лет (ему самому сорок восемь) и мутрировал бы их по тех пор, пока они не стали бы похожи на скелеты.

Блинкс шел дальше. Он настаивал, что необходимо мобилизовать всех мужчин в возрасте до пятидесяти лет (ему самому — пятьдесят один год).

Я заметил, что Джинкс и Блинкс всегда приходили в клуб вместе и вели здесь на досуге европейскую войну.

Я никак не мог понять, на чьей стороне они были. Иногда мне казалось, что они были и на той и на другой. Один день они командовали отрядами русской армии, и была одержана такая победа, когда Блинкс и Джинкс во главе огромных отрядов казаков угрожали опустошить всю Европу. Было страшно смотреть, как они смеялись перьям и мошкетерам, как Джинкс бросал в пламя целые толпы одетых в белые одежды монахов, как ненужные клошты буаяги.

Одно время я даже боялся, что они смеют с лица земли всю цивилизацию. Но друг Блинкс решил, что казаки Джинкса не совсем подходящие войска, что они недостаточно вымуштрованы. Тогда он немедленно представил в прусского фельдмаршала и объявил, что его военная техника превосходит технику всех других стран, и вместе с лица земли войска Джинкса даже без помощи солдат одной таковой.

Таким образом они всю зиму перепалывали по карте Европы, повсюду неся смерть и разрушение и наслаждаясь этими злетьями.

Но больше всего мне нравился их дикий восторг перед морскими сражениями.

Джинкс обычно воображал себя подводной лодкой, а Блинкс играл роль первоклассного броненосца. Джинкс изругивался своим перископом на поверхности воды, в одно мгновение определяя место положения Блинкса и затем с быстротой молнии сгонял шары дымов и начинал выпускать свои мины. У него всегда было шесть мин.

Но как бы быстро он не действовал, ему никогда не удавалось уйти от Блинкса. Блинкс замечал его перископ за целые мили, тотчас же открывал по нему стрельбу и топил его.

Джинкс, конечно, всякий раз заявлял, что он не потонул, что он просто нырнул под воду. Он говорил, что он находится на глубине двухсот футов под водой и спокойно надымался над Блинском через перископ. Вобщем все то, что делал Джинкс через свой перископ, превосходило всякое воображение.

Всякий раз, когда я вижу, как он смотрит на Блинкса своими полузакрытыми глазами, хитро почесываясь, я знаю, что он потонул без остатка. И Блинкс должен быть на стороже. Если он ослабит свою бдительность хоть на минуту, он будет несладко горьков и полонит вперед, вместе с бутылкой виски и содовой водой, хлеб и перемычки, а Джинкс быстро нырнет в подвальный этаж.

За последние время случилось так, я не знаю почему, что Джинкс установил почти полное господство на море. Приятель пришел, повидимому, к мультимольному соглашению, что Блинкс какой бы армией он ни командовал, останется непобежденным на суше. А Джинкс взял на он подводной лодкой или броненосцем — господствует на море.

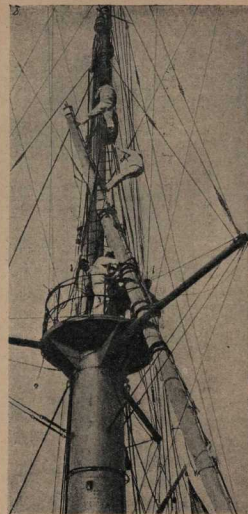
Несомненно, что соглашению явилось результатом их бесконечных обсуждений. Так они оба чувствовали себя лучше. Джинкс даже начал нравиться у Блинкса, сколько человек заключает в себе диаволов, и той собой представлял стая казаков, и что такое корпус. А Джинкс в свою очередь стал обесприличиваем экспертом в подводных лодках и минах, начал носить костюм из синего цвета, а лорд Блэрфорда иначе не называл, как «Сбарин».

Но что особенно поразило меня в военной мании Джинкса и Блинкса, — это их полное равнодушие к человеческой жизни. Они жили в войну с твердой решимостью довести ее до «свободного конца». Если Блинкс пытался иногда заставить Джинкса, угрожая сместь Лондон, то этот шаг он доказывал, что он не знает своего противника.

— Возможно, — отвечал Джинкс, закуривая новую сигару, — можете сказать мне об этом доказательстве? Ну, укажите, например, мне, я ли я или он два недели не думает. И что же, на думаете, что я смеюсь? Нет, это только побуждает меня к окончательному и я объявляю новую мобилизацию для использования армии.

Было что-то странное в той варварской войне, которую изводил в ден в ден в ли Блинкс и Джинкс.

Они с презрением относились к правам нейтральных лиц, сестер милосердия и полководцев дубовых стволов. Что касается конгломератов и галитных конгломератов, то Джинкс

Морское командование получило, наконец, ключ к организации. В ту же ночь Раймонд Роз и Жан Мотель были сброшены в одиночные подальше Шербургской тюрьмы.

По всему городу шли обыски. Перепишка, найденная в койбе Роза, надела полицию на следы других. Несколько рабочих центральной типографии и столяр Пинель были арестованы один за другим. А через несколько дней в одиночной камере сидел Роберт Летелье, секретарь Шербургского комитета и литейщик в арсенале, на квартире которого prefect полиции лично вынул из соломенного тюфяка пачку партийных циркуляров.

Адмиралтейство праздновало победу. От имени морского министра из Парижа благодарил за удачную «работу».

Учащались аресты и обыски. Снежно готовилась комедия «беспристрастного» суда французской республики. Газеты трубили о «бандитах», которым пришел конец.

Роберт Летелье и Раймонд Роз, избитые и истощенные ежедневно муками угонными пытками допросов.

Но командование порта потропились с реальной победой. Благодарственная телеграмма уже не казалась вполне заслуженной всего через два дня после ареста.

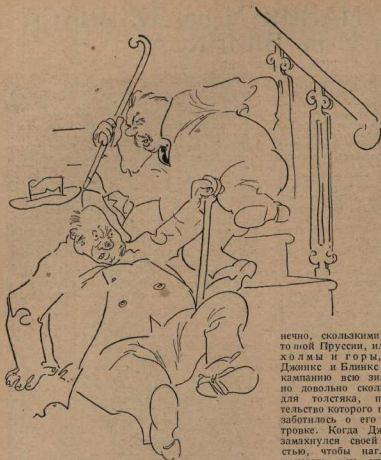
Потому что многотысячный митинг шербургских матросов четыре часа требовал в арсенале свободы унизания. Потому что на сдвигавшихся флангах несколько раз извлеклись усиленные повешенные патрули для разгона протестующих рабочих манифестаций.

И если сегодня, в ожидании заранее известного приговора матрос Раймонд Роз и литейщик Роберт Летелье, томится за стальные решетки шербургского одиночек, то завтра другие Раймонды и Роберты застанут господ адмиралов снова в бешеные толпы народа на огороженных секретарей, робко докладывающих о победах Шербургского комитета во флоте прекрасной Франции.

Роберты и Раймонды — их еще много на французских крейсерах.

— Мои резервы защитят его, — сказал Джинкс, подвигая две перемычки на подержку хлеба.

Блинок, державший его под руку, тоже не раста-
мусья во весь рост

Блинки вешали их на каждом дереве в Польше и в Бельгии.

При таком настроении сражающихся сторон война, казалось, будет продолжаться бесконечно.

Но она пришла к концу совершенно неожиданно, так сказать, случайно, как вообще кончаются все великие войны. И так же случайно было происшествие свидетелем окончания этой войны.

Был поздний час. Джинкс и Блинкс сидели на лестнице клуба, все еще продолжая горячо обсуждать свой любимый предмет.

— Я убежден, — ораторствовал Джинкс, — что война — великое дело. Нам она нужна, Блинкс. Мы все стали слишком мягкотелыми, слишком боимся физических страданий. Мы должны при мысли о штаковой атаке, мы морщимся, когда думаем о ранях. Чорт возьми! — продолжал он, — какая, собственно говоря, беда, если несколько сот тысяч человек будут искрошены в куски. Нам необходимо вернуться к стандарту древних викингов, усвоить взгляды древних народов на физическое страдание... И не успел он кончить эту фразу, как тут же получил то, чего хотел.

Камень из ступеньки клуба стал скользким от ледяной, и Блинкс замерзшее озеро Вос-

нечно, скользкими, как тоной Пруссии, или те холмы и горы, где Джинкс и Блинкс дели кампанию всю зиму, — но довольно скользкие для толстяка, правительство которого не позаботилось о его муштровке. Когда Джинкс замкнулся своей тростью, чтобы наглядно показать всю красоту штаковой атаки, он вдруг поскользнулся и грубо упал на бок, ударившись бедром об острый угол камня, причинив себе такую страшную боль, казая, несомненно, походила к стандарту древних викингов. Блинкс, державший его под руку, тоже расшатался во весь рост, упавши на спину и больно ударившись затылком о ступеньку. Он лежал

неподвижно и казался настолько же мертвым, как солдат, встретивший свою смерть где-нибудь на полях Сербии.

Я видел, как официанты внесли их в клуб, с тем удивительно спокойным отношением к страданиям, которое за последние время становится таким популярным. Они, повидимому, тоже восприняли взгляды древних викингов, за которые так ратовали Джинкс и Блинкс.

На следующий вечер Блинкс и Джинкс, оба забитованные, сидели в клубе в самом дальнем углу, под тенью огромного фикуса и закладывали мир.

Джинкс эвакуировал Черногорию, а Блинкс отказывался от всяких прав на Познаны; Джинкс предлагал Блинксу Эльзас-Лотарингию, а тот великодушно отказывался. Они ругались арми, вариляли крепости, топили броненосцы и предавали друг другу контрибуцию, которую оба рьянски отвергали. Затем вдруг Джинкс нагнулся к Блинксу и что-то шепнул ему — по всей вероятности последние условия мира.

Блинкс кивнул головой, и тогда Джинкс поманил пальцем официанта и сказал:

— Стакан шотландской виски с водкой и кружку вюртембергского пива.

Они растучками свои армии

ДЕТСТВО

ДЖЕК АЛЬТГАУЗЕН

Ковровые луны,
Шипучие луны,
Когда-то нам снились
Шотландские шкуны...

Когда-то, бывало,
Мечта нас куда-то
От мыса Надежды
До грёбней Бай-сала.

С мальчишеским граем
За дряхлым сараем
Мечтали мы в гости
Бежать к самураям.

Вот лес нестрогий,
Вот дом мой отцов и
Как колокол сквозящий,
Лежит при дороге.

Сейчас с поворота,
Как птица с отлета,
Увидше крылья
Расколют ворота.

Я вижу наследство
Бубиного детства,
Забитый колодец
И лес по соседству.

Без прежнего жара,
Без струн, без загара
Удавленким другом
Повисла гитара.

Помет воробьиный
Засыпал рябином,
Друзей не нашел я
У волчьей ложбины.

Кто стинул за Доном,
За вражьем кордоном,
Подкинув папаху
На память ворован.

А кто торопливо
Сорвался с обрыва,
Вилетая черемуку
В конскую гриву.

А самый кудрявый,
Опущанный славою,
Стучался прикладом
В ворота Варшавы.

И где-то за срубом,
Под взворааным дубом
Припал он к земле
Нерасчесанным чубом.

Ковровые луны,
Рыбье бурюны,
Опята мне приснились
Шотландские шкуны.

РАЗНЫЕ ПОДХОДЫ

Рис. К. РОТОВА

Одной из видных особенностей обращения колониальных торговцев в Индии и Китае является торговля опиумом. Из различных газет

Надо им только голову на плечах, тогда и большевистский лозунг пригодится

РАЗВРАТ ЛИ ЭТО?

СЕРГЕЙ СКОРЦОВ. Открытое письмо

Теперь только и разговоров про «Собачий переулочек» да про «Луису с правой стороны». Говорят, что в Хавонихках распевают:

Очень явственно весна
Приближается:
С правой стороны луна
Ужмыляется.

В «Комсомольской Правде» целые статьи о том же. Получается впечатление, будто и впрямь комсомол—это притон разврата. Будто рабочая молодежь одним только и занимается половыми излишествами на разнообразных ладах.

Лекторы и газеты задирают голову молодежи половым вопросам в устном и печатном виде и лекциями, и нравочениями, и грозными опасениями. А между тем—вопросы-то никакие и нет. Но, понятно, когда каждый день толкуют об одном и том же,—привневоляют тебя об этом думать... и вот поэтому начинается настоящий и серьезный вред.

Нечего угоривать нас в том, что совершенно нет в нашей действительной жизни.

Среди рабочей молодежи разврата совершенно нет. У своего отца стал спрашивать:—Сознавайся,—говорю,—неужели вы в ваше молодое время с девушками не гуляли и не жили до самой женитьбы?

Ну, да,—говорит,—вас умников не было нас обучить.

Наша молодежь ничуть не больше себе позволяет, чем это было в старые времена до революции. Даже, я бы сказал, мы гораздо гигиеничнее и порядочнее живем, чем родители наши, которые и к проституткам часто ходили целыми компаниями. Это у них считалось—шикарно погулять! А у нас я думаю самый слабый комсомолец постыдится пойти к проститутке. Но, безусловно, много рабочей молодежи и теперь доходит до этого, и я думаю, что главная причина, которая их толкает к проститутке, это шум-гвалт вокруг полового вопроса!

Поневольно начинают парни стараться удовлетворить свои потребности по незаметности. Приходит им танцевать и опасаться каких-нибудь неприятностей или скандала, даже если у девушки не будет беременности. Вот и пускаются к проститутке. Но все-таки огромное большинство тех ребят, которых я сам знаю, избегают этого, а либо воздерживаются, либо гуляют какой-то со своей девушкой. И есть еще часть ребят, главным образом, беспартийных, которые нашли (или привезли из деревни) особую форму коллективного «баловства».

Странное дело! Неужели, именно этого факта (что действительно гуляем с девчатами во всех смыслах, так что и живем обыкновенным образом)—уже есть разврат?

Тогда выходит поступать надо, как в той коммуне, которая внесла в устав специальных параграф, запрещающих членам коммуны в силу их возраста, жить половой жизнью?

А по-моему это тоже переулочек, как пишет Т. Бобрывев, не «Собачий», так монастырский, и загнать в него рабочую молодежь тоже не удастся, хотя, допускаю, это и было бы не плохо.

К нам на завод поступил недавно один крестьянский парень из Тверской губернии. Так он рассказывает у них в деревне ребята тоже устроили коммуны (сельскохозяйственную) и выдумали устав, чтобы в коммуне состояли один парни. Как только захочет кто-нибудь жениться—выходи из коммуны.

Ну, и чего они добьются? Конечно того, что парни должны будут искать ходу по линии «свободной любви», а либо к проститутке. В общем, вся эта кампания против половых потребностей привела пока что к тому печальному результату, что загоняет их в подполье. У нас в Ленинской слободе процветает такой факт и в виде подпольных венерок с тем самым коллективным баловством, про которое я уже сказал. Попасть на венерку постороннему парню почти невозможно. Ребята довольно откровенно рассказывают, как там время проводят, но चुгоно, не из своей компании, не пускают. По-моему из опасения, чтобы их не оскандалили. Устраивают такую венерку на частной квартире, обязательно в двух комнатах: в одной vive публика играет, угощаются, танцует. А в другой—лусто и темно.

В разгар игры хозяева венерки, а либо заводило-весьлячек отзывает одного парня и уводит в другую комнату. Там парень говорит какую девушку ему жалеть и заводило приводит ее! Она отказывается не впривае,—такой уж устав венерки. Заводило уходит и запирает дверь на ключ.

В компании все продолжается, как ни в чем не бывало, никто не обращает внимания. Через 10 минут тот же коновод отпирает дверь и эта парочка выходит, присоединяется к компании, а в комнату отправляется другая на смену. И так все перемывается. Больше одного раза в комнату никто не попадает из парней, а про девчат—не знаю. Думается мне, что должно случаться, потому что вряд ли всегда бывает порнуво, если обыкновенно уча-

ствует человек 10—15. На иных венерках немного более равноправный устав: там во время танцев, когда все разболталось по парам, хозяин подходит и какого-нибудь парня хлестнет ремнем. Тогда эта пара и отправляется на «особое совещание». В общем довольно похоже на некоторые деревенские «домовники», когда парни девкам «пробудевают».

Нездая сказать, чтобы на этих венерках сильно безобразия. Даже не очень наиваются. А на «совещании» в меньшинстве случаев парень успеваеет уломать девушку на половое сношение, а чаще нападутся влать. Так я сужо со слов участвовавших ребят.

Сам я очень интересовался попасть на такую венерку, чтобы проверить своими глазами, и уж ребята обещали провести, но опасность двоякая. Во-первых, на горит по комсомольской линии. Ничто же не поверит ни за что, якобы пошел «с научной целью». Затем среди беспартийных ребят пойдет определенная буза: «ага, мол, сами активисты на наш огонек полезли! А нас на сухую физкультуру сманиваете!» Я достоверно знаю от ребят, что такие венеры устраиваются каждую субботу хоть одной компанией. Иногда устраивают там, где родители уехали на воскресенье в деревню, а то и при стариках не очень-то стесняются. Организуют—либо парни складчину приглашают девчат, а либо, девчата складываются на угощение и зовут парней к себе в гости. Подозреваю, что некоторая, самая сырая, часть наших комсомольцев (процентов 10—15) принимает участие. Но спросил—не признается, конечно.

Как же нам относиться к таким «коллективам»? Теперь многие закрывают: — Вот оно—разврат!

Потине, товарищи. Успокойтесь. Ничто не спорит, что это—безобразие. Но разврата все-таки даже и тут не видно. А видно одно: грубость и некультурность нравов, перенесенных из деревенского быта. Но вот, что важно: кто же заставил их сюда перенести? По нашему лучше отравить ребят к проституткам?

А почему они затеяли венерки? Потому, определенно, что вы их затолкали в подполье улюлюканьем против половых потребностей.

Известно, что монастыри всегда вели к разврату. Надо прекратить монастырскую агитацию и вредную халхужскую бузу среди рабочей молодежи—и тогда отпадет главная причина, поужающая ребят к безобразным путям удовлетворения.

ОТ РЕДАКЦИИ. Несомненно, что бытовые вопросы остаются для нашей молодежи острыми и волнующими. Из последищих печатемее у нас письмо о венерках и фелетон «Алле губу». И фелетон и письмо редакции выносятся на широкое обсуждение читателей «Смены».

Кто виноват и в чем причина всех событий на маленькой уютной железнодорожной станции, развратившаяся вокруг «товарища Майской», девушки с алмазы зубами? Правильно и глубоко мы подошли к этим событиям тогда. Погоди в своем фелетоне? Где и в чем вина комсомольской ячейки с ее неуверенным секретарем Куродовым, жейка, на жизни и работе которой так резко сказалоcя появление девушки с алмазы зубами?

Еще больший вздох вопросов подымается в связи с письмом о венерках. Письмо прежде всего ставит под сомнение необходимость всей той пропагандистской работы, которая проводится нашей общественностью по бытовым вопросам, и первую очередь, так называемому, половому вопросу. Верно ли считать, что здесь, как пишет автор письма, никакого «вопроса» нет, что «он создается как раз там, где старается помочь молодежи разрешить волнующий ее вопрос?»

Второй вопрос—об оценке половой жизни рабочей молодежи: верно ли, что нашей молодежи ни чуть не больше себе позволяем, чем это было в старые времена, до революции? Дальше почему молодой парень идет к проститутке, как оценил принцип, устанавливающий его удовлетворение свои половые потребности совмещением? И, наконец, какое может быть наше отношение к таким явлениям, которые лежат в основе существования этих явлений?

Мы призываем наших читателей откликнуться на все вопросы, затрагиваемые в фелетоне и письме. Пусть каждый читатель «Смены» посмотрит в окружающую его жизнь, пусть подделает своим наблюдениям над бытом молодежи, пусть скажет, что в нем такое, здоровое, комсомольское и что нем тупое и пагубное.

Н. ПОВОДИН

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

Эк, губы, губы!.. Собственно не в губах была тут суть, главной цели печальных событий, размышляясь в таком степном уголке железно-дорожного посёлка, — а в губной полости фирмы Тэж. Понятие поразительно жить на свете, наблюдая столь необычайные явления! А с другой стороны и необычайного нет ничего. Как тысячи, как сотни тысяч, как миллионы женщин наших дней Ирма Захаровна Майская легко и тонко подражала спон губы... Но лучше рассказать историю сначала, а не с конца.

В сених марше бескрайних степей стояла серая железно-дорожная станция. Тут же у полотна привалялся маленький посёлок, где жили служащие и рабочие станции. К домам железнодорожников пригрозилась десятка хат переселенцев откудова-то с севера. Они здесь селили хлеб и разводили скот. Обозначилось маленькое селение, которое почему-то не прогрессировало, не росло, живо наложенной, однообразной жизнью степи. Никто ли, хорошо ли жилось — не знала. Известно же один утокот этого селения — клуб, устроенный в углу огромного, всегда пустовавшего павильона, клуб «Красный Октябрь». Здесь забавляло молодое поколение сестру степной одинокой женщины. Изобретательностью предпринимчивого комсомольского секретаря т. Куродова жил и процветал клуб «Красный Октябрь». Когда в степи шел унылый дождь, и ветер павал на телеграфных проводах, а клуб было тепло, ласково вывалили три «молнии», Аннушка Вадимовна пела веселые куплеты, респектируя будущее свое сатирическое выступление на грандиозном вечере с докладом о международном положении. Сатирические стихи сочинял мрачный машинист Зубов. Он же писал знаменитую напуганную в пещеле песню «Зачем ты луня», в которой к комических положений изображалась ове, более или менее достопримечательные люди посёлка.

Секретарь Куродов был неутомим. Вся деятельность ячейки как внутренняя, так и внешняя была сосредоточена в клубе. Учеба и «гранит науки» незаметно переходили в азарт и спортивный отадак, развлечений так и не успевало сменяться делами серьезными. Жили комсомольцы, жил клуб «Красный Октябрь» налаженно, не очень «сплошной, обобщенной жизнью». Просто было. Просто и дружно. Ну, если молодое поколение и имело сведения, что комсомолец Антошка воздыхательствовал по адресу Аннушки и посылал ей яблочко-апельсинку в бюджете на станции, по что же? Пусть. Драм на горизонте не предвиделось.

Но, как говорит Кузьма Прутков, время поспешишь управителем, истребитель производящему новые таланты. И вообще, по словам того же мудреца, никто не обнимет обаятельного. Вчера еще Аннушка Вадимовна пела сатирические куплеты и спела восторженно под овации зрителей, вчера еще комсомольцы читали политграмоту и записывались в очередь в список клубной библиотеки на «Дементь Глазкова», вчера еще, словом, что было вчера, то осталось вчера. Это «вчера» отрезала и оставила в истории Ирма Захаровна Майская. Все произошло незаметно, медленно, в скрытом процессе. Однажды вечером в клубе «Красный Октябрь» появилась неизвестная молодая девушка с накрашенными губами. Последнее обстоятельство было сразу замечено всеми присутствующими в клубе — губы подкрашены.

Девушки в посёлка, примащивая к клубу, губ не красили. Не было такого обычая. Пудрой «Либель» еще бронировского происхождения они иногда злоупотребляли не зная всех тонкостей, правильной организации этого дела. Но губ не красили. И поэтому девушка с яркой поддельной тушью губ обратила на себя всеобщее внимание. Немедленно в тот же вечер узнали, что эта неизвестная — племянница начальника дистанции, что жила в большом городе на Волге и приехала «отгостить». Имя-то для фанса, а Майская тоже для фанса. Золот не по-простому Ирма Куровина, потому что у дяди ее, начальника дистанции, фамилия Куровина.

В первый вечер Ирма Майская — будем ее называть так — ни с кем не знакомилась. Она осмотрела стены клуба, где были наклеены всеческие плакаты, почитала стенгазету, погуляла и ушла.

— Выдай! — серато сказала ей вслед Аннушка Вадимовна и больше ничего не сказала, а лишь молчаливо установила на тупые носки своих старомодных туфель. Варуг шута, никому не сказал ни слова.

Но Ирма Майская оказалась очень общительной и симпатичной девушкой, отнюдь не «выдрой», как это заключила по первому впечатлению Аннушка. Она стала приходить каждый вечер в клуб, стала режиссером драмкружка, танцовала на первом же вечере испанской танец и пела «Шахту № 3». Ее полюбили в переносном и прямом смысле некоторые молодые ребята. И сразу забыли, что у нее красные губы. Даже Аннушка говорила секретарю:

— Какие мы мещане! Какие тебе дело, что она слезла за своим лицом. Какой ты отсталый Ах...

И валькала, чуть опуская ресницы так же, как умела это делать Ирма Майская.

Шли дни, как вихрь в ромашках. И вдруг неожиданно завязался роман у Ирмы Майской сразу с двумя «молниями» людьми. Т. е. не у нее а у них. Они сразу выскочили до смерти влюблись — восторжарили Майскую. Она сумела ходить на свидание в один вечер к двум. С одним встречалась до клуба, где-то за семафором, с другим поспе клуб в станционном салу. Первый это знал и ужасно терзался. В момент наивысших мучений он напился и пошел ночью в сад канючить сиверина. Произошла драма с предостережением. Совершенно испарялись друг другу физиономии и кто-то из них был серьезно ранен в глаз.

Товарищ Ирма на другой день сама рассказала комсомольской ячейке эту историю и сказала так, что она — хороша, благодарная ведь

селяя девушка, а ее поклонники — некультурные и притоку очень глупые мальчишки. Комсомольцы хохотали и снова росли тогдашнему Ирма повторить сначала сцену драмы. Как-то само заболело, что если незачем эти два парня были выдергиваны и списки не глумили комсомольцами. Но многие забылись как-то само собой. У Аннушки стали глаза и горло красные губы. Аннушка уже не хлопала по плечу ребят и не хохотала, как прежде, просто, заливаясь. Она научилась особенно медленно плавать глазами. Ее нужно было упринциать выпустить на вечер. Она часто повторяла своим приятелькам закавыченным друзьям:

— Ах, какие вы неучастные...

Политграмота и прочие часы учебы стали скучноватыми. Почему? Почему Стенка Мотулов, котератор сын, почему однажды выпалал:

— А я угу для карьеры.

Откуда это пошло? Кажется, в интимных беседах Ирма Майская высказала свои какие-то соображения на этот счет.

Видно выяснилось, что маленькую, всегда застенчивую шестнадцатилетнюю Марусю дома нянчили родители и уехали в восток к бабе делать аборт. Как? Кто? Упалли — комсомолец Антошка. Он рассказал на бюро ячейки, что хотел отомстить Аннушке, которая его «отвергла». И после этого события клуб стал пустеть. Уже с одной стороны родители туза своих дочерей. В ячейке совсем не клеилась дела. Простая искренность и дружба уступили место новому духу самозащиты, хитрости, сплетням. Организовались против вождя Куродова оппозиционная группа.

— Мы не стадо. Мы сами не хуже его поимеем.

Ирма Майская что-то говорила комсомольцам насчет «стада». Так между прочим, без личной цели говорила, что лунява. Дух ее — идеология, ее идеология накрашенных губ — во всем видела секретарь Куродов. Все расплавалось, все рушилось, все вышло из действия этой идеологии. Уже не три «молнии», а одну зажалили по вечерам в «Красном Октябре», потому что не нужно было зажигать ярый свет. Часто один секретарь Куродов сидел на сцене и что-то читал, может думать...

И был вечер так же. Только так же в вечер привлекали молодежь в клуб. На этом вечере в костюме изгаженности танцевала Ирма Майская. Танцевала изумительно. У нее в этот вечер были тонкие подведенные глаза и ярко горели карминовые губы. Она кружилась с бубном и посылала вужичкам длинные обещания вальсов. И в самый разгар головокружительного танца в клуб вышла бледная простокосная женщина. Она высочила на сцену с безумным криком:

— Простигутка!

Ирма Майская уронила бубен.

— Проститутка!— кричала женщина. — Отдай мне моего ребенка!
В это время, когда плясала в клубе Ира Майская, и два шага и маленьким станционным домике сороса двухлетний ребенок, брошенный отцом телеграфистом. Просто было. Телеграфист очаровался Ирой. Она хитрела своей любовью. Она написала ему: «Будете в клубе и...» Его жена ушла в поселок. Он оставил мальчика и ушел в клуб. Мальчик опрокинул лампу и... Пожар потушили соседи.
Ира Майская уронила бубен. Обезумевшая мать бросилась на нее... душить, грызть... Не-

счастный потерявшийся телеграфист плакал в углу.

Всё.

Собственно—не совсем всё. Тут бы нужно начать вторую главу этой истории, потому что через два дня, горло сияя пластырем на щеке, одинокая, покинутая друзьями, уехала из поселка Ира Майская и еще потому, что потом Анушки тихо и печально говорила секретарю Куролову:

— Ты, милый, прав, прав... Знаешь, я, ведь, тоже красила губы.

— Знаю.
— И поводила глаза.
— Знаю.
— Это наверно и есть самое разложенье?
Да?
— Нет, Анька, это идеология крашенных губ. Понимаешь такое?
— Понимаю. А вот соберем ли мы все теперь?
— Соберем.
Ну и всё.

ОДЕЖДА ТУРИСТА

Очерк КУРЕЛЛЯ

Туризм даже в самом простом виде требует, как каждый спорт, определенных принадлежностей. Первый инструмент—это тело, длинным образом ноги и сердце. Будущий молодой турист должен непременно обратиться к спортивному врачу и узнать, можно ли ему рекомендовать пешеходство, как спорт.

Второе, играющее огромную роль, это—ботинки, все сваянные для ног.

Подготавливается время надо заранее. Некоторые вещи требуют определенного времени на изготовление, другие связаны с некоторыми затратами денег, которые надо сначала собрать.

Ботинки—серьезная и основная принадлежность туриста. Неправильно выбранные ботинки могут превратить радость путешествия в сплошное мучение. Турист, страдающий на экскурсиях ногами, не только сам потеряет всякое удовольствие, но помещает и всем своим товарищам по поездке, вынужденным считаться с его уменьшенной подвижностью и т. д.

Потому—выбирай в первую очередь соответственные ботинки.

Какие идеальные ботинки для пешехода?

Ботинки должны быть из крепкой, но мягкой кожи (хромовой, если возможно), не слишком низкие, широкой формы, с двойной прорезанной подошвой (см. рис. 1 и 2). Самый удобный цвет—черные. Отправляющимся на более продолжительные поездки экскурсистам мы рекомендуем поставить в ботинки пластиковые короткие гвоздики с большими шляпками, что позволяет избежать пачки подошвы на дороге.

Надо обратить особенное внимание на то, чтобы ботинки были ни слишком большие, ни слишком узкие. В первом случае нога движется внутри ботинка, и получаются пузыри, во втором случае ноги, которые при долгом хождении, естественно, толстеют, переищест мучительные боли.

Ити на экскурсиях в сапогах не рекомендуется. О сапогах можно сказать то же самое, что о слишком широких ботинках: нога в них движется, и легко получаются пузыри.

Также начинающим туристам не рекомендуется отправляться в сандалях. Ити долго в сандалях может только тот, чьи ноги уже хорошо окрепли в долгих путешествиях;

кроме того, подошвы сандалий не приспособлены к долгим путешествиям: через них очень чувствуются неровности почвы, и сами они скоро изнашиваются и отлетают.

Рис. 3. Как не нужно скучивать ногу портняжкой

Ни в коем случае не следует отправляться в дальние путешествия в новых ботинках: новые ботинки негладко «прирываются»; они могут превратиться в узкие или широкие, т. е. негодные. Ботинки надо сначала испытать пару недель, особенно еще потому, что идеальны ботинки для туриста сейчас на светском рынке нет.

Рис. 4. При скучивании не должно быть никаких складок

Само собой разумеется, что ни в коем случае нельзя ити в путешествии на вылезлых каблуках (это относится к женской половине туристов).

Часть самая близкая к ботинкам, это—носки или чулки. Приблизь носков неделка. Надо раз навсегда помнить, что нельзя ходить в коротких носках: края дыр образуют твердые места, которые жмут на ногу и вызывают пузыри. Лучшее носки—шерстяные. Но они неприятны на

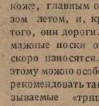

Рис. 5

ноги. Можно много варьировать способы складывания. Надо приобрести некоторый опыт, чтобы их складывать так, чтобы они негде не терли. Тряпки имеют те преимущества, что они не дорожат, что их можно ведем самому изготовить, что их легко можно стирать и что они очень хорошо прилаживаются к ноге.

Несколько слов о брюках. Рекомендуется абсолютно оставить длинные брюки и ходить в коротких, а именно: в коротких брюках, которые кончатся выше колен (их носить очень легко делать из старых длинных, при чем отдельные кусочки можно использовать для пошива или дублирования дна брюк).

Если турист ходит в коротких брюках, то он должен носить чулки. Рекомендуются полушнурки или облегают все голени, заходят за верхний край ботинка, внизу их имеют только шпирки (см. рис. 5). В виду того, что у них нет ступни, короткая особенно изнашивается, можно удовлетвориться одной парой на всю экскурсию. За границей носить такие полушнурки с усиленным и удлиненным верхним концом. Они держатся на ногах без резинки, что более гигиенично.

Брюки лучше не носить на ремне, который жмет нижнюю часть дыхательных органов, а на подтяжках.

Самое лучшее широкое платье—простая гимнастерка или толетовка. Для путешественных же в торж, где часто встречаются холодные ветры, рекомендуется иметь с собой простую шляпку из легкой парусины, который зашивает от ветров.

Иметь что-либо на голову—не обязательно. Кепка—мало подходящая головная убор для экскурсий. От солнца она защищает плохо (затылок остается не закрытым), а в дождь она нигде не годна. Если уже взять головную убор, то лучше широкую шляпу, в виде тирольской. (Рис. 6).

Рис. 6

В следующем номере нашего журнала много интересного материала о книгах и читателе:

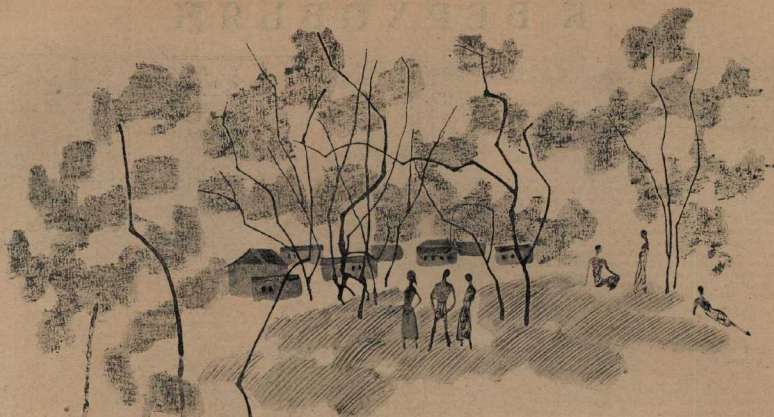
Тов ЛУНАЧАРСКИЙ—10 лучших книг за 10 лет революции.
И. КУВИКОВ—Критески.
Ф. БЕРЕЗОВСКИЙ—Проезд 4-х (о новой женщине)

ВРЕДИТЕЛИ КНИГИ

(Фелетон)

И. Углиц, А. Жаров, М. Светлов, А. Безмянский и М. Колосов о себе и читателе и мн. др.

В номере много иллюстраций шаржей и фотографий

ВЕСНА В КОМСОМОЛЕ

Ив. МОЛЧАНОВ (из поэмы), рис. БРЕЙ

I

Бегут косые тени,
Стихает улиц гул.
В черемуховой пене
Наш город утонул.

И веселей, и чаще
В вечеровой пожар—
В черемуховых чашах
Звенит напев гитар.

И песни переливы
Под вечер—без конца...
Тревожные порывы,
Влюбленные сердца!

В черемуховом севе
Отрадней и теплей.
И наш суровый север
Становится милей.

За городом—просторам
Конца и края нет...
Весной наш тихий город,
Как щеголь, разодет.

Весной бросаем шубы,
Они нам не нужны.
Весною стены клубя
И низки и тесны.

II

И вот, гурьбой веселой
Несутся пареньки...
Собрание комсомола
Проводим у реки.

Сердца поют, как струны:
— Весна!
— Весна!
Зеленая трибуна
Цветами убрана.

—Рассаживайся! Все ли?
Колышется река...
У Тани неподделен
Румянец на щеках.

По берегу, по полю
Промчатся бы, как встарь!
Но Тania в комсомоле
Сурьезней секретарь!

Кудрявая головка,
Косынки алый цвет...
У Тани есть сноровка
И есть авторитет.

У девушек свиданья,
Протулки до утра.
У Тани—все собранья,
Собранья, да дела.

Ласкаться к ней...
Посмей-ка!
Моментом отошлет.
И Танина ячейка
Примерною слывет.

III

Окончено собрание...
Эх, песни мирный лад!
Глаза у нашей Тани
Смеются и горят.

Наш круг сегодня тесен
У реки на горе...
— А ну, ребята, песню,
Которая бодрей!
Сердца поют, как струны:

Весна! весна! весна!
Зеленая трибуна
Цветами убрана.

Бегут косые тени,
Стихает улиц гул...
В черемуховой пене
Наш город утонул.

К ВЕРХОВЬЯМ

Кто не знает Волги—самой большой реки Европы, имеющей в притоки 3,694 километра. Но очень немногие знакомы с местностью, где Волга берет свое начало.

Туристы Москвы, Ленинграда, Пскова, Новгорода и других мест и городов могут совершить очень интересное путешествие к истокам Волги. Это путешествие может занять от 3—6 дней до 2-х недель и обойдется от 12 до 25 рублей на человека.

Можно привести следующие маршруты путешествий к истокам Волги:

Через ст. Вологое (Октябрьск. ж. д.) до Осташкова по ж. д., откуда пешком около 60 км до Волги-Верховья. Там турист увидит узенький ручеек, протекающий среди болотистых берегов. Через 7 км Волга выдает в озеро Селгир, расположенное между открытыми, довольно живописными берегами. В прилегающих к озеру селениях можно купить лодку и поехать дальше через озеро Волго, Верхне-Волжский байлот—сооружение, задерживающее воду во время половодья и дающее возможность летом увеличивать для целей судоходства глубину фарватера по ниже лежащей Волге.

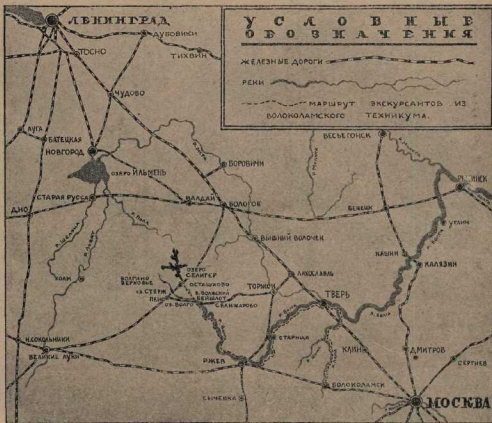
Дальше река делается более оживленной. На протяжении, примерно, 100 км до Ржева лодка придется проехать через 32 порога. Наиболее опасный из них Денецкий. При умении управлять лодкой все пороги удастся пройти благополучно.

На этом протяжении река очень красива, с холмистыми берегами. Можно от Осташкова поехать паромом до деревни Салушка (40 км), откуда 18 км пешком до Волги-Верховья. От последнего можно пройти 8 км пешком до Каменика—высшей точки Валдайской возвышенности.

Маршрут Осташков—Волгино-Верхнее—Ржев интересен и для пешехода.

Возможен также маршрут, до Валдая по железной дороге, оттуда пешком мимо озера Белье на Полово. Отсюда пешком вдоль берега озера Селгера, или паромом через Низово пустынь на Осташков. Протяжение около 120 км.

Переселенские вышние маршруты дают воз-

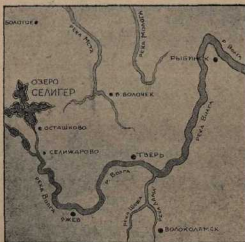

можность не только ознакомиться с верховьями Волги и совершить очень интересное путешествие по ее верхнему плесу. Очень интересно осмотреть

Осташков, ознакомиться с озером Селгир, промыслами прилегающих деревень и валдайскими возвышенностями.

НА СТРЕЧУ ВОЛГЕ

Очерк С. СЕРГЕЛЯ

В Волоколамском техникуме экскурсия в разные края нашего Советского Союза. Экскурсия в воде, пешком и на лыжах. Есть о чем рассказать. Но когда я пролетаю мысленно взором по длинному ряду экскурсий волоколамских ребят, мое внимание всегда долгие останавливается на нашей первой лодочной экскурсии по верхней Волге и озеру Селгир. В ней не было чего-нибудь поразительного, но она вылилась в порыв и бодрость.

В осуществлении задуманной экскурсии главной—не деньги, а крепкое здоровье и неотступная настойчивость. Как раз эти качества и прошли работа. Многие от лодки, рыльце зано на техникумской стройке, возлизи в мокрой глине на осевшем кирпичном заводе, работали по статистике и выставляли сметы.

Сколотили по пятнадцати рублей на человека.

Настал день отъезда—7 августа 1923 года. Уже недели две погода стояла отратительная—без конца лил дождь из серых туч и шумел холодный и порывистый ветер.

— Эх-э-э,—иронически усмехнулся я бороду почтенный техникумский занок, когда пригласил к нему просить лошадей, света вени на вокзал.

— В такую погоду да-путешествовать в лодке? Ручаюсь, через день вернешься.

Сжалось сердце у ребят от этого злоепоющего предостережения, глянули на серую мглу кругом, помолчали...

— Нет, не верю!—зашагали по невылазной грязи к станции. Шутят, подтрунивают друг над другом, пручуны за воротники от клеветного дождя и чуются, где-то глубоко дрожат сомнения, кому, кому мы идем?

У Ржевского моста через Волгу, у самой воды, пятнадцать экскурсантов укладывают вени в пять лодочек. Полочны маленькие, восьмиаршинные, еда трюнеши—заблуют и вертятся, как юнцы. Ребята же никогда на приличной реке не были, несли в руках не держали.

— Как поплывем?—маленькую спрашивают их лица.

Сторож моста цупает лодки, пренебрежительно толкает их ногой.

— Я и говорю: это разве лодки,—это сорудки. А тем бо-лее вы люди несвязанные, будете вымарываться из них и в воду.

На мосту сползлились прохожие, смотрят вина с высоты своего величия, саркастически пошмыгиваются.

Каркает люди, каркает мхурое небо. Приступили к размещению по лодкам по принципу судоустройства и, в результате, три наших девчонки остались одни в лодке. Пришлось перейти на принцип равномерного распределения сил.

Путь лежал к верховьям реки, против течения. Рекины поднимаются бичевой. Бураны набросили на себя лодки, рулевые уселись на кормах, взяли в руки весла.

Заблутыхла вода под неотмытыми веслами, зарысали лодки без нужды вправо-влево, а криков и команды было столько, сколько не бывает на тонущем судне.

Через несколько дней отчаянных усилий лодки были приведены в положение. Они плыли вперед одна за другой настоящими паньками. Погода же была...

— Бррр,—пробормотал бы глупый обыватель, согреться от холода.

— Хороша погода!—неслось со всех концов нашей флотилии.

Еще бы не хороша. Ветер бьет в лицо, сыплется шипки, тащит за нозы лодки, вода сверху, снизу, с кустов, вода неслется нагустую и звенит на скамьях бригад над носов лодок.

Эй, маляк, маляк!—идет перекликающая команда с бурлящими, и не разобрать, в ком больше стреленности—и в ребятах или в мвахихих им нагустую облачных клячых.

Веселей всего в пороги. Здесь вода совсем неспокойна. Кружится, ухват в впртыгюю же жма и снова с лодки вскакивается—сверху, бурлит около утробных

Участники экскурсии

кашей и с шипением шаркает лодочник во все стороны.

— Эй, не зевай, держись за струю. Приляжи, приляжи! От матуки пучковыми стали лица рудых, тремт камни под их веслами, бурлят, как один, вытянулись вперед, и длин-

После полудня обогнули мыс и выплыли на главный плес озера. Что за раздолье, что за даль развернулась перед глазами. И влево, словно из глубин воды, поднялся город с теремами и слайми,—это был Осташок.

Задол влажный попутный ветерок, всколыхнул озера, захолили по нем волны с кружевыми верхушками, и лодки ребят защекали парусами.

— Эй, рулевые, не зевай, держат крепче руль!

Бегут лодки к городу, оставляя позади шипучий след, раскалывая волны наизов, лелея суровых путешественников, вознаграждая их за все прошлое.

Ночь. Все дремлет в голубом дымном сиянии. На берегу дикого лесистого острова, меж темных осин колеблется ясный свет огонька. Около него закумалась девушка, забыв про спящих кругом ребят и про неположенные лодки у воды. В руках у нее тетрадка и карандаш. Но вот девушка спускается с себя овладевшие ею думы и осматривается кругом. С высоты неба загляделись и темное зеркало озера месит и швыряет лес и берега. С сухим порывом ветерок срывает сетки, сонный ветерок шепчется в камнях диванных своих чувств, но слов таких же прекрасных, как эта ночь, не находится. Девушка наклоняется к тетрадке и записывает лишь две мысли.

Девушке хочется выразить в словах диванные свои чувства, но слов таких же прекрасных, как эта ночь, не находится. Девушка наклоняется к тетрадке и записывает лишь две мысли.

«Кто хоть раз попробовал такой жизни, тот навсегда делается ее ленинком.

Не хочется идти будить смену, жалко прерывать сказку, такую редкую и чудесную».

В тот жег миа командо выстраивали... и велик лодку «под ушкы»

ные бичеы гулят, как струи. У одной лодки доплотает бичеы. В тот же зиг ее команда выпрыгивает в воду и бархатиза в крутящейся воде, ведет лодку вперед спод ушкы.

К вечеру, гас-нибуль неподалеку от синего сарая, фотилыя приваливает на полет. Живо разводится трескучий, жаркий костер и завариваются шипенная каша и чай. А пока сушатся, подоталыя пол огонь по очереди все участки морской одежды.

После чая и каши разогрываются, лучше веселят, заводят песни и, в заключение, зарываются спать в сено. Только дежурные остаются при лодках у огонька. Они устроятся из парусов завесу от дождя, и придвигаются к уютному свету и теплу костра, чуть прислушиваются к крикам сена, к гулу перекатываемых по дну реки камней, к неясным и странным звукам ночи.

Утром ребят подымает призыв пелли экскурсии Новоселова:

— Вставай из теплого сарая Сырро, голодный экскурсант!
— Вставай, оравя удалая!
Команда изю всех команд!

И затем, как всегда:

В одежку мокрую влезаем,
Вель все равно опять под дождь,
Кашину шпенную хлеблем,
На плечи явянку—и дашем!

И денья против всех выхрей и стийн. Так, приговом так из калор, ребята прошли Волгу, затем Селижеровку, и победоносно фотилей вышли в один сыстаный день на простор озера Селигера. Это был замечательный день. Вместо бурного встречного течения лодочки легко заскользили по ласково встречившей ребят голубой шире озера. Тучи ушли за горизонт, и далеко над данным солнце удыблилось в воде, и темной зелени лесов, и далеком слайм.

— Ура Селигеру!—крикнул кто-то из ребят, и переливаясь, радостно ура понеслось по воде и волнами разбежалось по молчаливо-суровым лесам.

Здесь вода совсем неспокойна—на Верхневолжских порогах

Обратно неслась фотилыя стрелю. Замирал плук порогах, мелькали лесистые берега, села и города. На денек задержались в Твери и отплыли из нее, унося с собою гул и грохот, и мотучий ритм освещенной мануфактуры. За Тверью свернули к тихую речку Шошу, и из Шоши в маленькую Ламу, на которой стоит наш техникум. Здесь лодки, можно сказать, выпрыгивали на бесконечные мельничные плотины и верста поплыли половком по пересохшему во многих местах руслу.

Тихим сентябрьским вечером фотилыя поднялась на господском плотины и поплыла по техникумскому пруду в старом тенистом парке. Из-за деревьев приветливо сияли окна ярко освещенного главного здания, из столовой носился зной расстываемой для уюта посуды. Несколько взмахов послушными веслами—и ребята вышли на родной берег после популярно-месячного плавания.

Идет экскурсионный вечер. Сотни молодых глаз устремлены на докладчика, рассказывающего о путешествии, но о приобретенных живых знаниях, о разговорах и рабочих смачках с на-

1) Лодки легко заскользили по волубой шире озера

2) Длинные бичеы зудят, как струны

селением, о перенятых негодах и радостях. Час за часом длится его рассказ, время ушло за полночь, и никто не шелохнется, не тронется с места.

Таков экскурсионный вечерен Волоколамского техникума. Им породил волонтерское движение. Теперь летом волонтерские ребята можно встретить на любой крупной реке, от Ангары и Аму-Дарьи до Днестра и Онеги. Присоединяйтесь к ним!

Молодые туристы!

Пишите в свой журнал о предпринятых вами путешествиях, делитесь полученным опытом

ТУРИЗМ РАСТЕТ

По путям единиц идет уже сотни, по путям десятков—тысячи

Живо разовидится трескучий, жаркий костер

В темное зеркало Селигера загляделись месия, лес и берега...

ПОЛНЫЙ ХОД

Рассказ В. ЧЕРЕКОВА

Зной свелось. Винзу лопотала вода. Чудилось, как море всучает волнами и в широких взмахх берет о твердые неподатливые бревно. Судно, мерию колышась, шло полным ходом, и в черной мгле жалобно звенели торпильные веселки.

— Ну, сказай, — поторили Петька, — а то на вихту скоро.

Мартьян прислонился спиной к борту и, строго оглядев темную кучу разлегшихся на палубе ребят, начал:

— Ты, Петька, все про храбрость толкуешь, так вот и расскажи, как наш капитан Аврину, мордое по-немецки — командр шута, когера храбрости ушел. Теперь-то вам много повеселит — дело не заставит, а у нас и те поры и поговорка складилась: бей матроса — часы сработает. От кого — и добивались, а кому выдохло — от дожда да в воду, как, скажем, нашему когера Зыбуку. Мы его, Зыбука-то, за обычные большие Моржом авали. Ушел у него канту был, ну и весь — чсто морж. Да и у него бы моржий, в роде как у тебя, Лешан, несмотря, что ты в кантома просидел.

На пятитовой в неярком свете фонаря кучи лениво прогулку делал Лешан:

— А ты не лаясь, знай — рассасывай.

Мартьян подмигнул острым глазком и продолжал:

— Капитан у нас козырь был. Англичанином очень, ухлякшая — в зубок повсегда торбука и висуку, водку икнюю, тямил почем зря. Оно бы ничего, да шик у него был — любил героиство свое показать и матросов приуцать, чтобы бестрашные были. Да. Плавали мы тогда в Балтийском. Ну и частично в Финляндии курс наворачивали. А надо нас спасти, коло Гельсингфорса — по берегу ити — фарватер ужаснй каки засоренный. Того и глади на банку! слышь. Так носом тую соды и вилит. И еще надо бы сказать, в одном месте та же невозможности следовала мель, газеловая. Так, попутловина — половина укаса по середине, а прити никак неслась, обитая мало. Вот здесь-то наш Аврину и нагнал фору. Наерется виски, лока покраснет, усы прямые натопорит и ну чудасит. Под самым ярким углом средина холдом — на берг. А берет-то каменный. Скалы над самой водой свесились. Спернонаю у нас иуда в кишках зудело. Жельсь — вот-вот посуду ка шугу об камин. Доведет до последнего и — крутым поворотом от берега. Ну, мы потом привыкли, а вот Морж этот самый никак переисчет не мог. Отвернется, бывало, от скал, глаза замурит и ну крестится. Да. Пронзал как-то про это его малодущие капитан и взялся его героиство обучать. Не потерлю, говорит, что в моем экажде этакая слынь разволосила. И ит, значит, идк подходим к этому месту, орет: капитан!

— Зыбушка скор! — Зыбушка скор! на спардек, естанет перед мостком и колднок свести не может. А капитан как гарчет, — головокню у него был что надо: — Круу-гом... Рыла-то от врага не вероти...

Повернется Морж к борту и сомлет весь. Скалы бегут на него. Сверху-то еще страшнее. Побелет, руки по швам, одна шельстися — перекрестится бы. А капитан на спардек обжогт, глаза от виски выплунуи, в левой руке торбука на отделе, кричит:

— Смейся! Смейся, сукин сын! Смотрь все! Мель! Ногой топает и кулак к ноу тянет. Смотреть, бывало, на Моржа жалко. Губы у него горю, а тут светься надо. Стоит, равно стужай какой.

Морда белая, зубы оскаленные, — не смеется, а словно укусить или завить обирается. После поворота станет противу него капитан, расхорачит, руки в боки, торбука в зубах и смотрит, сморит, будто навеки запомнить хотит. Потом винт торбуку воем гта, плывет.

— Труу ты оскаленный, — скажет — та-во-лишничкый! тебе, а не моржом бить, моржомни ты. Скалку тебе, дурака, тренирую, никак не приучу. Пошел! Пить ирало!

Из борты кое-кто тоже было Моржа никак не понимал, да другие, помучие, гукуюи: неча ржать, когда над человеком мурдуются. Ну, и прекратили.

А Морж тренирове-то этой смыо не поддавался. С каждым разом все лучше его разбирало.

— Бывает это, — сказала куца на палубе меланчим голосом Лешан. — Гайна какая, гляди, ослабнет в голове, и чем дальше, тем больше, значит, по иарзуе ее гонит.

Мартьян уможножале посмотрел в перелл раскиснутой ног и сел болко.

— Ну и рассказай про свою гайку, а я уж поможу, поспулю.

— Мать ты, — крикнул Трухин и шлепнул рукой по буланту Лешана.

— Ну-но, Мартьян, слушай же, — попрощах нетерпеливо Петька.

— Ладно, — торчило сказал Мартынчик и повернулся оговя литом, — только смежи еще в переребье, брошу.

Он выждал паузу и продолжал:

— Да. Вот и случись такой случай. Подходим это мы раз к Гельсингфорсу. Поминси, день был погожий. Солнце во все лопатки жарило. Чайки на воде авралили. Нас деловк дести на шканца палубу скачывали. Капитан, как полагается, на мостике, и с ним гоже ка-кой-то почетный, в цивильном. Морж тоже в намни. Видуи — подхватывает, сердан, знает — ой-ка скалтан его ползвет. А у самого губа нет-нет да и треплет. И иварю, перевернуле капитан с востиска, рожка красная. Кричит, и голок хрипый, видно, нахлебался виски больше, чем следовает.

— Зыбок!

Морж оглянулся на нас, ровно защити просил, и пополз по трапу, будто бы гири за собой тащил пудовые. А капитан перед гостем курату-жесты. Подходи к этому проклятому месту, повериуи на берг.

— Полный ход! — командует.

Ну, мы своим делом занятые, а вперед и карьеру поглаживаем. Все же такси — полный ход. Ни разу этого не было. Как-то Морж там? А у него карточка уже в роде как зеленоватой стала, и глядели выкатились, помю рачны. Капитан, однако, не приставлял к нему — гостя, должно, сдерживал, только глядел на него — лучше не надо. А гостя-то уж бе слыноватся стал. Выдт — прет судно полным ходом на камин. Сербье — врлет! Не рекудиси ли капитан с полькою, морж? А скалы несуета на нас, расту. Ну, раскормить долго, а ведь там секундуии премо считалось. Рывкнул капитан трубным голосом:

— Право на борт!

Рулевый в ответ:

— Есть, право на борт!

Ну, думаю, слава богу, сейчас повернет. Не за Моржа уж, а и самому легче стало. Только видни — что за оказия? Рвет наше судно полным ходом вперед без никакого поворота. Капитан и про гостя забыл. Как салает рулевого матом: — Чо ж ты, заснул... в гроб твою!..

И-и, братцы вы мои, — Мартьян схватился рукой за голову, — икнути не забуду. Из рубки крик кляуток бабай, отчаянный:

— Гальюн! — отхожее место на корабле.

— Штурвал испорчен!

Всех нас будто нопом полоуюло. Капуть. Без руля, как свечерх. Никто к аврау не кричал, а все вмиг наверху оаказили. Крикнул кто-то истовным голосом:

— Погибаем!

И заматились, забылись по палубе. Не знают, что делать. Смерть неминуемая. Легим на свою ногтеб. Вот они скалы — рукой полать. Сердце у меня тогда оборвалось. Звон в ухах пошел. Закрыл глаза... А тут вдруг ка-ак взорвал кто-то:

— Из бохев бух вот! Отдай явзист!

Враз затрепело, заскрежетало. Сток по голоте кто нагremo, замахуку стукнул. Сток Дернулось судно, как псе на дивилин. Поднались мы все носом на палубу. Ну, дунов — смерть, вот оно. Однако, лавру — ништо. Тяпль. Только волны плеснули. Поднялись. Смотрю — стои судно, чуть носом в скалы не уперлось, и целехонко. Значит — успели якоря задержать. Поскочили все, оглядываються. Кто же это команду подда? Голос не капитанский, нет, болно уж тонок. Глазку наверх. Стои Морж, на поручни навалился. Глаза стеклянные какие-то, на шеях вместо мела румянец разливается. Гостя лежит на мостике жоркою задом, не очухался, зияет, еще. А капитан бежит чего-то по спардеку прямо к Моржу. С рожки все красна сошла, — више, должно, враз от смертного страха выдохлась. Схватил Моржа за руку, повернувшись к нам, видно сказать что хотит, а только рот разевает да зубами лягает:

— А ва-на...

Ну, кое-как совалел с собой, крикнул жалобным, какин-то не своим, голосом:

— Зыбок спас судно! Представлю его и награде!

А Морж тихо как руку свою отбрал, прямо в глаза ему смотрит своими стеклянными и спити чсто-то, шипт, а что — не разберешь. Да все глотать, гроче да надвигается на него. Капитан наза, он за ним, да все гроче:

— Сссес...

И уже слышим мы — скороговорый так:

— Смейся, смейся, смейся...

Замери мы все. Толпой сбились, глядим наверх. А они по спардеку кружатся. Капитан за поручи рукой цепляется, отстывает, а Морж тоже по поручиной рукой скользит, на него настает да все гроче, гроче:

— Смейся, смейся, смейся...

Да как взвизнет так же, как якоря отдалекомандовал:

— Смейся, сукин сын!

Развернулись натопать и в зубы капитану — хрясть.

— Ах! — выдохнул Петька. Куца уже давно распалась. Все трое сидели против Мартьяна, и в мигомном свете фонаря блестели глазами. Подошла темная фигура:

— Бахт! Сбирайся живо!

— Есть на вихту, — ответил Мартьян и поднялся на ноги.

— Чо ж потом с ним, с Моржом-то? — тихо спросил Петька.

— Дунали судить, да что ж, ясно! — с ума челоке сехал, — нехотел ответить Мартьян. — Тут не засудиш. На берг в сумашелый отравили...

Мерю калохо судба. Над ним застала мягкая чернь неба, а в ней дрожали зеленоватые звезды; если посмотреть на фок-мачту, они закочаются справа налево.

— Гайна, стало быть, сошла, — торчмо сказал Петьке Лешан, спускаясь по железным скользям в когеракту.

КИТАЙСКАЯ ГРАМОТА

И. ЧИН

Обширь вид Шанхайского порта

的
资
的
式
的
危
企
的
的
工
不
用
进
实
步
可
吸
本
的
数
便
且
提
高
所
以

Позвольте рассказать вам о людях, для которых в европейских буржуазных кварталах не существует другого призвания, как обская и для которых у нас есть близкое и родное имя—товарищ и друг.

Эти—люди, приехавшие к нам от рисовых полей—из далеких китайских деревушек. Они приехали в Страну Советов учиться великой мудрости, заложенной в словах и делах Ленина, имя и идеи которого перешли и через «Белую стену», много столетий державшую китайский народ в плену таинственного молчания и сна.

Теперь настало время, когда молодым китайским пролетариям потребовалась умение бороться и побеждать. И они учатся этому искусству, учатся с аспирантами упрощением и латиниризмом.

Я говорю о студентах Университета Трущихся Китая имени Сун-Ят-Сена.

Сегодня они с помощью многостраничных словарей изучают деловое письмо, пишутся на их родине, рассказывают не по иностранным газетам, отправленным дельце и лозью, а выражаются в родную большинством.

И я говорю о студентах Университета Трущихся Китая имени Сун-Ят-Сена. Сегодня они с помощью многостраничных словарей изучают деловое письмо, пишутся на их родине, рассказывают не по иностранным газетам, отправленным дельце и лозью, а выражаются в родную большинством.

Улица лозуэнь—Шанхай в китайской печати после заимствования революционными войсками

нес это слово, можно было предположить, что он хотел сказать — культура.

Русский язык—это любимое, хотя и наиболее трудное занятие «сун-ят-сенцев». Когда рубят слуг на фабрике, и заводы они не успевают слушать приперть свои языки в русском языке и научить русских товарищей в обмен за это двум-трем китайским словам. У моего соседа, рядом с «Крестьянской Газетой» делало письмо, на конверте было написано:

СССР. МОСКВА.

Университет трущихся Китай

Им. Сун-Ят-Сена.

Студенту

Из страны, где еще и сейчас господствуют насилие и высылки пишут отцы и матери письма своим сыновьям и дочкам СССР.

Переходный период—условно обозначений на доске чертой и буквами, трудный для нас в практике период. Но пылливый ум китайского студента с большим упорством и трудолюбием разбирается в нашем опыте и горит желанием повторить его на своей далекой родине. Для китайца русский язык труднее, чем для русского китайский, но многие из студентов уже умеют прекрасно переводить лекции профессоров на родной язык. Учась, и это особенно заметно, они заблаговременно стараются помочь друг другу осторожно поправить ошибившиеся

全
轮
值
担
把
是
全
组
资
游
价
以
以
的
财
得
获
利
高
如
日
入

КОМСОМОЛЕЦ ЧАН-КАЙ-ШИ—сын БЫВШЕГО командира национальных армий китайской революции...

Он учится в университете имени Сун-Ят-Сена в Москве. Каждый день он получает со всех концов СССР десятки писем, от которых пахнет у него уже тысячами. От кого и о чем эти письма?

Член Московской организации ВЛКСМ—Чан-Кай-Ши с грустью говорит: «почему я должен отвечать за профитность отца? Мне ницни комсомольцы и беспартийные, с которыми я лично не знаком, они спрашивают как я отношусь к отцу, они требуют, чтобы я на него побоествовал. Хотят узнать обо мне, как вступил в партию Гоминдан... разные, разные вопросы. Но я не могу всем ответить! Я еще плохо знаю по русски...»

的
同
伴
也
不
能
不
带
着
家
乡
的
思
念
来
到
这
里
工
作
和
学
习

товарища, чтобы не допустить даже намека на насмешку.

Был такой случай. Мой сосед читал:

— Мелко — буржуазная стихия...

В этот момент худой, улыбающийся парень, обдавал ему:

— Стихи? я читал...

Никто не смеялся, а тотарился, потому, коллективно подхватили раз'явление, что стихия и стихия—это не совсем одно и то же.

Писажущие Возвращения—миссия добровольцев приехали на спине извозово Революционного Пролетариата и так облюбили китайские журналы Шанхая

Учительница, в отличие от своих учеников и учениц—подлата и белокурая женщина провела по доске меловую черту, поставив на обеих ее концах две буквы К и С. Эта черта и эти буквы условно обозначали переходный период от капитализма к социализму.

И тогда ученики, не перебивая друг друга, а ожидая конца ответа каждого из товарищей, по очереди старались написать нужное слово, чтобы передать на русском языке смысл нарисованной схемы.

Они сказали: — Общительства. Другой подхватила: — Положение. Третий добавил: — Шучай.

Это значило, что все заученное на память промывается на языке. Газеты, статьи и книги—от них не отрывается «сун-ят-сенцев». Особенно книги, чувствуется, что студенты относятся к ним, я сказал, бы с торжественной серьезностью.

Каждый, раскрывающий книгу, относится к ней как-то по-особенному бережливо и нежно. Ни одна не затрнана, ни в одной не затнута страница.

У каждого из студентов, кроме книг и подшитых тетрадей, обложив, где подробно вписаны и ежедневные события китайских событий, я видел аккуратно сложенные полдюжины с мясом. Я спросил: — А это? И мой сосед ответил: — Чинстоу. По тону, как у провинциальных и выбки

Так живут шанхайские лодчики и выбки

Рабочий день начинается с 9-ти часов утра и кончается в 10—потому что яе только учеба, но и общественная работа.

Передо мною было только 20 китайских юнцев, по разнине меня таким упорством и таким желанием знать, какому не грех было бы поучиться и нам.

А ведь эти 20—только кружница от всей массы китайской молодежи. Сколько же волн и вытупазма в их многомиллионных рядах.

Девушки на демонстрации китайской молодежи

ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Мих. КОССОВСКИЙ

Рис. КУКРЕНИК

собиety удивитного

Поговорим лучше об одной способности, которой решительно не хватало Василью. А именно, о покупательной способности. Конечно, Василья Охлопков — не рынок, не коллектив потребителей, а всего наемное индивидуум, но отсутствие покупательной способности для индивидуума едва ли не тягостней, чем для целого коллектива. Как бы то ни было, но в этом отношении Василий Охлопков был решительно беспомощен. Его розничные торговые операции ограничивались, например, «Пшеница (б мол. без семян), а отпущено 5000 граммов чайной» — молельщику — молельской или такая же количество «толкательской». Ни товаропроизводитель, ни рынок внутреннего потребления не были перегружены требованиями Василья Охлопкова. Все способности росли и развивались, а покупательная — ни с места. (Стабилизация, как сказал бы он сам).

Этот досадный пробел в личности Охлопкова обнаружился в наступлении весны, когда среди прочих потребностей возникла одна — грехная и неудобная, как судья: необходимость приобрести соответствующую одежду. К этому выводу он пришел, осматривая свои брюки, почти развалившиеся, но когда-то солидное сооружение, выдержавшее не менее пятнадцати походов и не менее пятисот заселений ячешон.

Развалившиеся штаны у окна, Василья к чужакому увеличению ударили спозвонья ушью, трамвай и даже блеск солнца на оконной раме. Куртка и сапоги оказались такими же ветеранами, вышедшими лучшие дни в далеком прошлом. Так и подумал Василий Охлопков про себя: — М-м-м-м! Не штаны, а вытритые казен-то...

— Необходимо купить... новое... Хлопков себя про лбу, Василий сказал сам себе:

— В чем же дело?

— Дело в штанах, в куртке, в мехе и, так сказать, в шляпе... А покупательная способность где-то в глубоких тайниках Васильичных карманов злится и хитрит...

— В шляпе-е? Ты дурачешь, дело в шляпе? А потому что же способность веско и вразумительно именуется умом в отторженном ухе Охлопкова.

— Купить хочешь?

Выступил. Присутствующие к голове своей неразвитой способности, Василья глубоко прислушался. А подумав поистине было над чем.

Почивный Пифагор, Архимед и другие математики были бы изумлены быстротой и точностью Васильичных расчетов. Ему не пришлось прибегать к помощи бухгалтеров и счетоводов, чтобы через мигновение сделать выслу:

— Ни жинь (перед на шелесте) — три двадцать, например — сорок две, непереладные — руть шестьдесят, двадцать — четырнадцать с полтиной. Это — ни оловянчик — иди вперед, иди вперед, обращайся к той же замасной способности:

— Молчи, гниел! Отрыжка старого брата! Задался, но даже молч соблюдать бауу.

— Не только оденусь, но даже молч соблюдать бауу.

— Надежа косоворотка и галифе с обхватом...

— Четырнадцать с полтиной чегиньбу да стаят!

И, возмущен на себя все свои старые доблестные штиршам, Василья зашагал по улице.

Чувствовалось дыхание весны. Хотелось нравиться, хотелось быть красивым и удобно одетым. Покупательная способность молчала. Молчанье было зловещим.

Продавец частного магазина готового платья И. М. Г. Циферблат оказался на редкость разговорчивым и любезным. Даже перед Васильей Охлопковым он слегка изогнулся и, выгнув вперед тощую борелуку, бросил ласковым шепотком:

— Как сказать, пошлую экипировку?

Затем он достал с полки рыжую толстовку и полагские брюки, с минутку полюбозвел ими и сказал совершенно непонятные слова:

— Габардинет, ботон, рубчик... Последняя удача...

— Г-м... рубчик... недорого. И модно...

Прикажи вытараша и глаза и пролезе воздушничко и добежал: — Рубчик — это обработка. А цена — необходимоать пать рубчиков.

Внезапно у Василья возникла мысль:

— «Классовые враги»...

— Нет ли чего-нибудь подешевле?

Сколько угодно-е!

На прилавок замелькали новые толстовки и брюки, а в воздухе носился новое слово.

— Шивот — текстиль — корона, коверкот — манчестер — брюки — трико экстрэ...

Христофор Колумб столько кто открыл неизвестное вечно имел более общий язык, чем Василья с продавцом М. Г. Циферблата. Прекратив поток текстильного вкрапиченя продавца, Василья спросил хмурым басом:

— Самые дешвые сколько?

— Пятьдесят шесть с полтиной. Последний крик-с.

— А еще дешевле?

— Не могу-с... Последний крик... Если б Василья воля — продавец бы действительно, и спустил последний крик.

Продавец еще более изогнулся.

Напрасно госп... тов... градничко ползаете. Вель я же полагива лучший тов... Вполне интеллигентно толстовку, этот уажьевае брюки, в особенности эти уажьевае жиньке — табардинет.

Васильй Охлопков уже был на улице, и, бросив последний взгляд на вывеску Циферблата, прошептал:

— Частная торговля... изп...

— Неп... историческая необходимость...

— «А ну штаны» — это не спонциальная историческая необходимость, — подумал Василья.

Глубоко в кармане что-то пискнуло.

— Ну, кто купил?

— Замолчи, стер... — прошептал Василья, — есть же готового. Там поговорим.

Видя, как на казенничье брюки все еще были розовыми, Василий Охлопков зашагал в государственное магазинчике.

Когда очередь в государственном магазине дошла до Василья, продавец бросил ему нечто вроде дамского личика и розоватые брюки, спользу которые тоже вытритые штаны.

Василья тактично поклонился.

— Мне бы что-нибудь подешевле и попроче-ней.

Продавец бросил несколько пар брюк на прилавок. Брюки становились все более розовыми, а Василья подумывал все более дьявольскими.

— Гражданин, не задерживайте. Самые дешвые с толстовкой — тридцать шесть... Ссылающийся!

Василья грустно шел из государственного магазина.

Из кармана неслось торжествующий жавалистый шипот.

— Ну, молчи, на чем остановился? Брюки — скелет или трубочкой? Пиджак в талию или в разрезе? А приятный и подходящий костюм думал.

«Много же трудностей на пути пролетариата»...

Василья вздохнул:

— Да, много...

Однако, нужен какой-то выход. Одежда, все-таки, нужна. Если бы вышол бы оригинальнее, то это было бы, наверное, достигнуто для Василья. Но какая оригинальность может быть при наличии 14 р.50 к?

Весна делала свое дело. Дедушки заубавились, зрелые и прилетели, дети еще энергичной чертлею мелом тайственные квадраты на асфальтовых тротуарах, а Василья новая необходимость — полза по всем швам.

Василья долго не разговаривая со своей покупательной способностью. Неприятно говорить с победителем. Нет общего языка.

Приблизилось первое мая. И вдруг, в один потоний теплый весенний вечер, разбухший везающий мыслью, Василья наклонился к карману, где таился ненадежный аргумент и зашептал с лобовой радостью:

— Что ты теперь зашептал? Уложу! Ешиный фронт против всех врагов...

На седмнадцатый день Василья, торжествующий и радостный шел домой с небольшим свертком под мышкой.

— И всего четыре с полтиной, рассудил про себя Василий Охлопков. До осени еще далеко.

А нарастающие силы и так же нарастающий червонец буюно причалили к пригородной радиостанции.

На дьявольском параде Василья в полостой майке и трусиках девственной белынзы чувствовал себя как нигде. Когда он перед вече-

ром, возвращался в общежитие, то почувствовал как молодая востроносая и быстротелая девушка с восхищением смотрит на его странный и фигуру в полостой майке и ослепительных трусиках.

В вопросах любви Василий Охлопков был философом. Поглядыв на девушку, он сказал про себя:

— Пусть смотрит... Это так приятно и естественно... Весна... возраст.

— Историческая необходимость!

СЛЕДЫ ДИНОЗАВРА

Повесть Н. ОГНЕВА

Рис. Ю. ГАНФ

(Продолжение)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО. Французский профессор палеонтолог Дорье едет через Москву в Монголию с целью научных исследований в Центральной Азии. Вместе с молодым помощником профессором идет перутомывшийся от культуры рабочий комсомолец Сивистунов и его приятель Френкель. В Монголии у степного броуидео ланги профессор узнает, что здесь в северо-востоке есть «дирижеры». Предполагая, что здесь могли в доисторическом динозавре, профессор заставляет ламу с собой, но в Улан-Батор-Хотт ламы скрываются. В пустыне Гоби Сивистунов случайно находит шкуру динозавра, но у Великой Китайской Стены под руководством свешающегося ламы на путевостепническом напатов хунгузы, и экспедиция приходится бросить все караван и еще улететь спасаться, да и то с помощью китайской милиции—минь-пуанов. Уже на китайской стороне Стены профессор в поисках динозавра пытается производить изыскания на большой плантации принадлежащей местному Джунжу. Дорье берет профессор с себе, а Френкель и Сивистунов едут издрезать в деревне. Ночью на деревню нападают белогоробелье банды, и Сивистунов, пытаясь сопротивляться, падает от страшного удара по голове.

18. Сивистунов и неподвижность

Уже давно начинала над Васью пасть темная и холодная, пасть немисмого, оставшегося из одной черной массы, дракона; может быть, динозавра. Пасть начиналась, хлопала, утряхивала. И смердо из не пасть! сверзилась вниз, конским навозом, тленом. Изредко подвизалась или внезапно налетали грохоты, пронеслись где-то в бездне над пастью; уносились они,— и вновь равномерно хлопала пасть.

А вот сам Васья Сивистунов был неподвижен. То было когда-то его движение, свойство его, Васьяна, организма,—провалилось в ту же мрачную бездну, из которой теперь выплывала и хлопала пасть.

Ужасное же было в том, что Васья хотел двигаться—и не мог! Пробовал хоть рукой целоваться—и не мог! Напрят все силу волоса, и остался на месте! Как-будто всему, что когда-то несло вместе с Васью в безграницные просторы жизни, побеждало, разрушало, строило—жизню пришло смертный концы, маюк, амба.

И когда дошло все это от восприятия до ощущения, и когда уложило это Васью к сознанию, сразу внутри все как-будто успокоилось, а сознание начало действовать: подсчитывать, звенять, определять.

Да. Вот. Как же. Была Москва.

Потом—все как-будто уступало, выжидая, определяя.

Потом хунгузы, стрельба. Лама. Бегство.

Ночь—такая же черная... как пасть. Да не пасть это вовсе! А что тогда бегство? От борбы.

Потом... вот плантация. Этой британской суици-сын, и еще... китайская деревня... А потом—все провалилось в пасть. Да не пасть это! Как пасть. Да не пасть.

Хотел вырваться тогда в мучной торговле, вспыхнул огнем, сожгло Васью сознание.— Не хочу неподвижности! Не могу перенести неподвижности! Да, мало того: неподвижность; И московской отсталенности жизни не хочу. Не желаю!

Создает, двигает жизнь вперед—б о р б а, а и неподвижность. Так да здравствует борба! Пусть это выражает тогда в мучной торговле, тогда в клубной работе, хотя в жидках этих тапсах—пасть. Но—борба, борба...

Хотел когда-то в Москве бежать хотя к миру на берега, то что бы то ни стало бежать, тогда бежать. А от чего бегство? От борбы. Не имел, не имел права Васья бежать от борбы. Нельзя было этого делать. Нужно было дать себе отдых, отойти, укрепить физиологию, накопить разрушенные нервные клетки, все это так,—а б е ж а т ь.

У-у-у-у, десертный проклятие!

Вот и вернешь в неподвижность...

Видно залетали буфера, где-то далеко паровоз дал тонкий свисток.

Ну, да,—разумеется, никакая это не пасть, а просто пустой товарный вагон, и в нем,—

И вот Васья, на полу, со сходящими позами.

Поезд замедлил ход, стал останавливаться, и в это же самое время до Васья донеслись обрывки хорошей песни. Пели нескладно, но дружно; и Васья был, кажется, знакомым, борбу было разоборать, и Васья стал вспоминать по мотиву, где и когда он ее слышал.

Кажется, маленьким мальчиком... лет пяти или шести. Но почему нет же, мелочливой и мелочливой, несия становился слышать и слышать.

Ну, да,—так и есть! Все же не мальчиком, а в клубе, на какой-то постановке...

Сво-во-лн-ый, дер-ж-а-в-ный!...—донецко, совершенно ясно. Вот это что—боже, паря храня!

И тогда сразу Васья вспомнил все.

Значит, ты, сволочь, меня схватили—и теперь куда-то увез.

И вновь в ответ на его соображения за стеклом остановившегося вагона послышался голос:

— Ну да, канган!... ээ, канган! Вот он, в этом вагоне. Что? Советский шпик! Всеж, как доказательство участия Советов в китайских забастовках. Что вы? Свайс!

Один из них внул Васюк слогом...—Ну, ты... как тебя... комсомо!

Дверь вагона с шумом поклатась в сторону, но внутри вагона хлзнула свет. Перед Васью появились двое людей в погонах. Один из них имену Васюк слогом. Карго попал по большому жегу, Васья чуть не свалился, но славя себе зубами концы языка—и промолчал.

Ну, ты... как тебя... комсомо!

— Может быть, он в оборюке?—спросил другой.

Приторется, сволочь,—возразил первый.

— Ну, тогда до Яои-шн... Там-же никто не останется приторываться,—заглаголю сказал другой.

Дверь тяжело поклатя, закрыва свет. Снова двоясь паровозный свист.

Васья опунил, что он слаб, как был всегда, что передача возникнет страшная боль в задней части его головы, и что скелеты у него не только ноги, но и руки. И вновь Васья окутала тьжелая чернота неподвижности.

19. Проводник Антипыч

Русский провоник Антипыч, или как его приваили звать—Антипыч, протер глаза и с изумлением удостоверился, что он совершенно один. Антипыч вылез из лесонной пещеры, почесал в затылке и отправился на поиски.

Ну, многошьство—так-си! как ломом ланго, лангуши,—рассудил он по дороге.—А вот профессор-то наш же! И товарищ Френкель с товарищем Сивистуновым! Не запылился ли они куда-нибудь.

Почти сразу же увидел Антипыч по бесконечным теснякам леса; постигившись ему на-

брести на позанутую пещеру, в которой он нашел сыяку сушеной рыбы. Большинство других таких же пещер было населено грибами и охранными детьми и стариками. При приближении Антипыча они или разбегались, или безмолвно ложились на землю, покрыв себя тряпичем. Добиться от этих Антипыч Личего не удалось. В пустой пещере Антипыч поужнал рыбой, поспал, и утром двинулся в дорогу. К полудню добрал он до маюков плантаций; и завидел усадьбу, пошек к ней.

— А-а-а, вы—так!—зринул Френкель, вставая и отпрявляясь от желтой пыли.—Черти английские! Сволочи!

— Бель-ше-инк! Дешиа! (Дьявол),—послышалось из-за ворот.

— Четой-то они нас, товарищ Френкель,—заботливо спросил Антипыч, помогая обвиться.

Да, как же, Антипыч, друг!—возбужденно кричал Френкель, принимая присутствие Антипыча, как совершенно понятное и естественное явление.— Я пришел полжню просить.— Васья Сивистуно провал, поинявая, и он,— прямо по ше. Импералисты паривные! Дюнь-Дюнь окаянные! И еще профессор этот.— Я ни чего не знаю, я ничего не понимаю... У-у-у, динозавр ископаемый... Желало ему хунгузы в слугу не заколота! Тоже. Па-ле-онто-по-гия! Тьфу! Извонили! Красныя жизни! Дерьмо синее!

— Да куда же товарищ Сивистунов-то делась?—неудолжно спросил Антипыч.

— А!—досадливо махнул рукой Френкель.— Нас по приказу минтера его величества, вот этого самого плантатора заперли в китайскую деревню. Ноль-иногда банда, я насилу ноги унес, а Васья пропал. Так-таки, понимаешь, пропал без остатка. Я помощи просидла или... У, сволочь,—погромил кулаком Френкель.— Ну, погодите, динозавр импералистские...

Шедший мимо разбойник-китаец в громадной шляпе остановился, глядя, как Френкель размахивает кулаками.

— Я сейчас ходою спросу,—сказал Антипыч. И заговорил по китайски. Китаец ответил, что он только что был в разгромленной деревне, и от жителей узнал, что «белые солдаты» ушли с собой русского. Кроме того, китаец указал дорогу в расположенный недалеко город, где есть войска народной армии. Френкель и Антипыч двинулись в указанном направлении.

По дороге поразил совершенно исключительное изобилие пнишек. Увидя одно их количество указывая, что пнишки находятся в совершенно разоренной стране. Нищие—старики, старухи, дети,—и взрослые женщины жалобно тынули руки с просьбой о помощи. У самых людей город сидело множество оборванных людей. Они тынули жалобную руку.—Антипыч перестал ее слогать.

Когда он встанет с мягкого ложа—он быт слышу.

Когда он по улице тихо иду,—шворит о судьбе блуждаю.

Когда его кружат-тоша—он слулат торы свести...

А во дворе на Пей-Юю он споконик и молча кадит.

Угадай же, жотель Па-синя, о ком поется в песне?

Кто тот, кто на волка, лисицу, змею, крокодил, похож?

Кто людей, лишь как добычу себе признает?

Кто строит себе из тел их, из черн-и лап-и лап?

Кто продаст обещания за деньги—
и за деньги от них готов отка-
заться?

Кто? Кто? Кто?
Это—чужестранец, жителя Пе-сяния,
Богатый чужестранец...
Но таков же и его послание—гене-
рал...!

20. В плену у самого себя

Люди в городских трюковых шля-
пах, белых рубахах и портках, но с рубаха-
ми, перетрадили дорогу в начале улицы.
Антлич обнял Френкею, что они
требуя проносука.

— Какое там, к черту, проносука! —
заключил Френкель. — Мне нужно ближай-
шего генерала народной армии, и ве-
дите меня к нему.

Китайцы повели обоих путников, окру-
жив их со всех сторон и держа ружья на-
готове. Улочок города кишели людьми, —
в большинстве оборванцами и истощенны-
ми. Животных не было видно.

— Все подели, — сказала Антлича. — Все
одни, как мы в девятидцатом году...
Они, склизывают, и раньше-то конек, со-
бак и даже мышек жерла, а теперь и
подано. Кое-где попадались дома евро-
пейского типа, но большинство было сло-
жено на живую нитку из бумаги, хвор-
ста и навоза.

У длинного ряда строений с причу-
дливими китайскими крышами оборванные
солдаты остановились и обьявили, что
здесь—штаб генерала, Френкеля и Антил-
ча провели в караулку. В караулке
было душно и загазовано. Несколько сол-
дат лежали прямо на полу, подложив
под себя ружья. Ивал с оббитым носом,
но довольно внушительных размеров вы-
шел в углу. — Кумирня раньше была, —
повоевал Антлича. — Эхх, косяки... Ни тебе
курюкты, ни тебе что... Жалть пришлось
немногой долго. Сильно осело под ло-
жечкой—хотелось есть. Френкель прина-
жился несколько раз встать, но встал на себя,
но страха никак на него не отозвалась. Только ра-
ди один из лежащих солдат выткнул из под себя
ружье, наделил на Френкеля и сказал не-
сколько китайских слов, которые он тутчас же,
перевел Антилчу. — Спать не дайте, товарищ
Френкель...!

В сумерках в караулку явился офицер с пе-
рехоном. Он доложил Френкелю о нем и
с какой целью явился в штаб. Затем, с очень
вещными поклонами скрылся. Прошло еще
довольно много времени, — наконец, явилась не-
кая толпа солдат, окруживших Френкеля и Антил-
ча, повели по длинным дорожкам и пере-
ходам, подобным кегельбану. Дорожки шли
среди ржи, кумирн и домов. В какой-то тем-
ной клетушке одного из этих домиков Френ-
кея и Антилча оставили одних и приказали
ждать.

— Онитя ждать,—возмущался Френкель...
А в это время так, может Васюк... эхх!

— Боится ихний генерал,—тапшествовал ска-
зал Антилчу. — Несколько раз убить хотели.
Они между собой толковали, у них на этот
счет прости...

Наконец, явился лавеший офицер, и после
ряда поклонов и извинений повел обоих внутрь
сравнительно большого дома.

Сумрак и странной смертной запах полнот-
ваствы владели небольшой, заставленной шир-
мами комоятой. Приглаженные, Френкель уви-
дел слабый свет и контуры человека в то-
лопу в отверстие одной из ширм. Френкель дви-
нулся ближе к этой ширме.

Мытога-мытога—на мести стояли! — слы-
вляемый голосом, но совершенно правые отку-
да-то из угла переводила.—Цзяв-гендала
сама гововилла!

Голова в ширме зашевелилась, и мелкелый,
но важный голос спросил что-то по-китайски.

— Спрашивает: что тебе, доставил нуждо-
шешулу Антилчу.

— Товарищ, русского комсомольца захва-
тили в плен русские бандиты,—сказал Френ-
кель.—Я прошу дать мне поможю, чтобы выр-
стнуть его.

Голова скрылась за ширмой.

— Цзяв-гендала сказала: уходи! — заявила
переводчи. И Френкеля с Антилчем увел
в ту же сумку клетушку. Сейчас же принесла
туда по кружке чаю. Чай был ароматный, но креп-
кий и без сахара. Френкель и Антилча с ждо-
нностью набралось на него. Вскрл за чем
явилось какое-то теплое вариво в котелке.

У самых ворот сидело множество оборванных людей, они
пугали жалюшную люлю

— Похобели дали, — с радостью сказал Ан-
тилчу.—Вот-ма, а чем же кушать-то?

Но язык колебал, налил в кружок из-под
чая. С жидкостью набросились голые дети
на ишу.

— Хрустят чего-то в ней, в руке храни
какие,—воропялесто сказал Антилчу. И, полсе-
нее поближе к свету, воскликнул:

— Да ведь это, мать ее, кузенца! Товарищ
Френкель,—провалялся, кузенца!

— Тыфу, саранча,—ответил, разгладил, Френ-
кель.

— Стой, да тут и моя ешь,—радостно воз-
кликнулся Антилчу, киваясь в котелке и выста-
вил что-то странной формы.

— А, черт, не будем разбирать, на свете ни-
чего поганого нет,—ответил Френкель.—С
тодому же съедит! Китайцы едят—не дожи-
вет.

Через час явился все тот же офицер и об-
ъявил, что изныл четвертой народной армии Ко-
ан-фу, высшая примет предка Френкеля, не
может дать никакой помощи; потешительно извие-
няется, потому что все бни (солдаты) на свету,
а город вот опасною удара со стороны хитрой
племени—дуджыя провинция Фань-Чжао.

21. Способности Френкеля

Ранним утром Антилчу пошел сдo ветру.
Вернулся он очень возбужденный.

— Встретил скорей аэропланы, сейчас про-
летелись, аэропланы!

— Какой там еще аэроплан! — сказал си-
пробомотал Френкель.

— У генералов-то у этого—аэроплан слома-
тиски! Как я мол, не почитине ли! Ведь, вы, ко-
жис еще в Гоби говорили, что детали котдай-то?

— Ну и чтой? — все еще не одолев сил, спро-
сил Френкель.

— А ты, что почитине—и айда вырчать то-
варища Вансуюнов!

— И верно, —закричал Френкель, плоско-
чине дружной! —Поканьвай, где самолет!

У ласковой, грядной стены отщепило и како-
не к месту развелось двойные крылья гигантской
птицы.

Французский пилот и Венге,—определил
Френкель в побегатах. Но изде-я смеяться вылез
сониный, угрюмый китайц и начал ружьею.

Антлич быстро и lightly заморомтал, а
что-то по-китайски. Часовой поспотрел раско-
сыми глазами очень испуганно и, словно хогая,
дал дорогу Френкелю.

Вскрл на садные пилота, проверить тяже-
ли, поверхность осмотреть мотор, планы,—было

делом нескольких минут: все было в по-
ряде. Джек банк почти наполнены. Да-
же из пуллета торчала наловому на-
дстреллина лента. Скорей, скорей!

— А где летчик! — внезапно вспыхнул
вопрос.

— Нету у них летчика,—махнул рукой
Антлич.—Какие у них летчики. Яиюнух,
говорит, голову срубил, который детал.

А своих нету. Он говорит, это воздушный
слезя, дракон, который сверху обидет...!

— Вот он,—дракон профессора,—не
зная разговорной Антилчу и шагах к
дому штаба, думал Френкель.

Через десять минут Френкель и Антил-
чуа стояли в приемной генерала. Те-
перь было ясно видно, что на ширмах на-
рисованы явивающиеся драконы и фан-
тастические птицы. Заинтересованный рас-
сказом Антилчу лежурный офицер скрыл-
ся в глубинах дома.

Для Френкеля, увлеченного жючей и
стремительной мыслью—слезя Васку,—
далше было все, как в тумане. Както
свотно мелевало перед ним какое-то лю-
ди, в окоченье ширма пролилось старое
изменяемое тело злого генерала, но-
том Френкель отчутился перед столом, а
за столом сидел человек по Френке с
осиними облыгами. Какне-то пальцы потя-
нулись; захватили источку юмюноли в
чашечку с тушью и напертали несколько
головолозных значков на листе бумаги,
потом стукнули печатю.

— Разрешил... — озарил Френкеля, и
он схватил лист. Но пальцы не выпустили
листа. Френкель в свою очередь потянул
листок к себе.

— Онитя вот что говорит, товарищ Френ-
кель,—переводил Антилчу.—Они говорят,
чтобы вы им какую-то поручению испол-
няли. Значит, на машине чтобы слетали
в Ччан, в гонизия юхиный, и отнесли ка-
кие-то бумаги, сильно важныи... И тогда
они вам разрешат. А так—нет.

— Какже это? А Васья-то? Ведь вре-
мени много пройдет,—происохла в голо-
ве Френкеля.—Как же быть-то? А, вот, нуж-
но солдатам! Единственный шанс разосать
Васку! Скажи им, что я согласен,—громко ска-
зал Френкель, поднимая глос.

Комната была полна народу. Люди в белых
и синих рубахах, во фраках,—с любопыт-
ством глядели на Френкеля. Антилча конил фразу
и замолк.

Весь день возился Френкель с аппаратом.
Без устали разбирал мотор, промывал сме-
рил, притирал клапаны, проверял магнето и вот,
наконец, четко и чисто заработал мощный попси-
цилиндриый чыгеста-шпидельный мотор.

На следующее утро, вместе с зарей, воздуш-
ная птица оторвалась от польня за штабом и,
описав круг над городом, устремилась на восток,
унося пилота Френкеля, Антилчу и с ними
вооруженного томилзюнонского офицера. Ты-
сячи километров до Ччана Френкель надеялся
покрыть не больше чем в шесть-семь часов.

— Вместе с мотором стучало сердце Френкеля;
— Сласти Васку... Сласти Васку... Во
ты бы что ни стало...

Похобели дали,—с радостью сказал Антилчу.—
Вот-ма, а чем же кушать-то?

11901

Издательство ЦК ВЛКСМ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Москва, Центр., Новая площ., 6

НОВЫЕ для самообразования молодежи КНИГИ

по общей редакции В. Г. ФРИДМАНА

Баев, К. — Отчего сменяются времена года. С 12 рис. 63 стр. Ц. 45 к.

Жарков, С. — Народные и научные приметы в потопе. С 19 рис.

Народные приметы с точки зрения их соответствия с научными данными; приметы логичные, вероятные и безусловно верные. Научные наблюдения и приметы по облакам, ветру, солнцу, луне и др. физическим явлениям; простейшие приборы для наблюдения.

88 стр. Ц. 60 к.

Желиговский, О. — Растения и животные, как поставщики сырья для промышленности. С 26 рис.

Содержание: От Издательства. От редактора. Растения и животные, как поставщики сырья для промышленности. Активное приспособление человека к природе.

91 стр. Ц. 65 к.

Местергази, М. — Человек-машина. Хозяйство человеческого тела. С 17 рис.

72 стр. Ц. 50 к.

Миндер, В. — Борьба с вредителями и паразитизмом в природе. С 24 рис.

Эта книжка затрагивает один из важнейших вопросов сельскохозяйственной современности — о вредителях лесов, полей, садов и огородов и о мерах борьбы с ними. Читатель, прочтя эту книжку, ознакомится с тем, какие бывают вредители, почему различные животные и растения оказываются вредителями. Эта книжка просто и ясно рассказывает о том, каков образ жизни вредителей, как, в связи с этим, устроены их организмы, в чем заключается причина приспособления к ним prey. Прочитав эту книжку, вы увидите, как научное изучение образа жизни и особенностей вредителей позволяет применять правильные способы борьбы с ними и сжать, таким образом, поля, огороды и сады. Целый ряд практических, научно обоснованных мер борьбы указан в книжке.

(Из предисловия редактора)

89 стр. Ц. 65 к.

Фридман, В. — Беседы по естествознанию на основе сельского хозяйства. Второе исправленное и дополненное издание.

Содержание: Обработка земли, рост растений и теплота. Питание растений и обмен веществ в сельском хозяйстве. Сельскохозяйственный урожай, как источник энергии для животных и человека. Топливо, история земли и закон сохранения энергии. Происхождение солнечной энергии — источник энергии в сельском хозяйстве и на земле вообще. Эктрификация СССР. Распределение и управление энергией живых организмах. Борьба за существование в сельском хозяйстве и в природе вообще. Заключение. Понятие об учении диалектического материализма.

...Я пред-назначаю свою книгу для комсомольской молодежи, активно стремящейся к знаниям.

(Из предисловия автора)

307 стр. Ц. 2 р.

Местергази, М. — Происхождение домашних животных и культурных растений. Основы дарвинизма. С 23 рис.

...Автор книги рассказывает о том, какие животные и растения существовали в различные доисторические времена, как происходили естественным путем их изменения и от каких причин; также о том, как характерные особенности предков теперешних организмов сказываются сейчас, особенно при развитии из оплодотворенного яйца через стадию зародыша нового организма. Все это приводит к раз'яснению вопроса о происхождении столь разнообразных организмов на земле, о значении изменений в природе и так называемого естественного отбора на основе борьбы за существование в природе.

(Из предисловия редактора)

86 стр. Ц. 60.

Муралевич, В. — Отчего человек утомляется в работе. С 13 рис. 58 стр. Ц. 45 к

Муралевич, В. — Ремонт человеческой машины. Болезни, старость и борьба с ними. С 16 рис.

Читатель найдет здесь практические советы о том, какие следует принимать меры предупредительного характера, чтобы не подвергнуться заразе, и на каких научных данных эти меры основаны, какие надо предпринимать меры предупредительной (первой до прибытия врача или до отравления пострадавшего в больницу) помощи в несчастных случаях, — как, например, нанесение себе раны топором или косяк, удар, повешение, утопление, обмороживание. Здесь же изложено, какие способы применяются в настоящее время наукой для производства искусственного омоложения человека (состарившейся), а также животных.

(Из предисловия В. Г. Фридмана)

73 стр. Ц. 60 к.

Казаченко, А. — Первые шаги юного химика. Составлено по Гюнтеру, Донату, Шейду, Хотинскому и др. С 58 рис. 2-е издание.

Содержание: I. Поможешь авиации на химию.

II. Наш лаборатория. III. Чувств без чудес. IV. Чему

может научить кусочек хлеба. V. Химическое исс-

едование воздушного океана. VI. Химическое исс-

ледование воздушного океана (продолжение) VII. Верны

ли воды или что делается с водой в кузнице. VIII. Как

из кислого получить соленое. IX. Мыло и свеч.

X. Спички и порох. XI. Удушливая химия. XII. Не-

видимые химии. XIII. Как горит человек. XIV. Са-

мая искусный повар. XV. Свет из-под земли.

165 стр. Ц. 75 к.